

Татьяна Николаева

Рваные судьбы

Татьяна Николаева

Рванные судьбы

«Автор»

2017

Николаева Т.

Рванные судьбы / Т. Николаева — «Автор», 2017

Сюжетом для этого романа, основанного на реальных событиях, послужила история, рассказанная людьми, пережившими голод 1932-33 гг. и Великую Отечественную войну. История сильных женщин – трёх сестёр и их матери Лизы. Несмотря на тяжёлые удары судьбы и беды, постигшие их, они не сломались и сумели найти своё счастье. События того времени показаны через призму переживаний героев романа: их радость и горе, любовь и потери, через переплетение судеб и мгновения, когда жизнь висит на волоске. Динамичное повествование, яркие характеры и накалённые взаимоотношения героев, порой болезненные, как обнажённый нерв, не оставят читателей равнодушными.

© Николаева Т., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	13
Глава 3.	32
Глава 4.	47
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Глава 1.

1.

Раннее летнее утро, петухи недавно пропели рассвет. Ласковое, ещё совсем не палящее солнце озаряет широкие степи и равнины, поля и леса. Лёгкий ветер колышет травы и цветы в полях, разнося их пьяный аромат на много миль вокруг. Ещё совсем тихо, лишь изредка раздастся несмелое одиночное пение птиц, но скоро их громким дружным щебетаньем заполнится воздух в округе, приветствуя работников в полях.

Плодородная земля, чёрная, как смоль, щедро одаривает своих хозяев урожаями – на полях густо колышутся зерновые, буйно вызревают овощи. В садах ветви деревьев гнутся к земле под тяжестью спелых сочных плодов.

Трудолюбивые люди всегда были с богатым урожаем: и ели вдоволь, и добра впрок наживали, всех детей своих приданым обеспечивали. Детей в то время рожали по многу, в каждой семье бывало по десятку, а то и больше. И когда старшие детки подрастали – уже и помощь родителям: сыновья отцу по работе и по хозяйству помогали, а дочери – по дому, да младших маминих деток нянчили. Бывало, самой девчужке пять – шесть лет, а она уже качает младшую сестрёнку в колыске; брату старшему ещё неполные десять лет, а он уже вместе с отцом лошадь в плуг впрягает, в поле на работы идёт. Потому как знает: чтобы еда была на столе – работать надо, и за себя, и за младшеньких.

Так и было – шестилетняя годовалого на руках таскает, а мать следующего под сердцем носит, на сносях уже. Так до срока в поле и пропашет: пузо выше носа, а она ловко траву рвёт, или пшеницу серпом режет. Только чувствует – разогнуться не может, поясницу прихватило – схватки начались. Пошла под дерево прилечь. Там и родила. Покормила новорожденного, завернула в рубашу, сама полежала с дитём часок-другой, и дальше работать. Домой с поля уже идёт не одна, драгоценную ношу на руках несёт. И тогда уже дома вместе с матерью или свекрухой помогут новорожденного, запеленают туго, в рот соску самодельную сунут – и готово.

И на следующий день уже идут на работы в поле с пополнением: мать с новорожденным, да нянька шестилетняя, а с ней еще малыши – погодки или двойня – несут узелки с едой и питьём на весь день. Так и будут с матерью до самого обеда, за самым младшеньким присматривать.

А вечером всё семейство многочисленное собирается за большим столом ужинать. Наварит мать картошки полный чугунок, нарежет хлеб, сало да овощи на стол положит, молока большой кувшин поставит – вот и ужин богатый готов для всей семьи. Хлеб душистый, хрустящий – только что из печи; молоко густое, жирное – аж тянется. Натрескаются все – от мала до велика. Вот оно – счастье-то! А завтра всё повторится с начала. И так до глубокой осени: урожай надо вырастить, собрать, потом – землю обработать, к зиме подготовить; травы накопить да сена засушить на зиму, чтоб было чем скотину кормить.

Каждую осень, по окончании основных полевых работ, по сёлам начинались свадьбы. Умели люди работать – умели и праздновать. Свадьбы играли шумные, весёлые – бывало, всем селом гуляли, да по несколько дней. Отгуляли, отшумели, а к следующей осени уже глядишь, и в новой семье первенец родится.

Есть на востоке Украины городок небольшой под названием Чугуев, родина художника Ильи Репина. Город этот находится в 30-ти километрах от Харькова, по пути в Ростов. Расположился Чугуев на холме, окружённом с одной стороны полями, с двух противоположных сторон – лесами. А с четвертой стороны, у подножия холма протекает Северский Донец. Сейчас это узенькая речка, местами почти пересохшая, затянута илом и заросшая камышами. А сто лет назад это была могучая широкая река. Она несла свои воды через Россию и Украину,

поила и кормила целые сёла и города. Вода в Донце была чистейшая и прозрачная, как стекло, было видно, как мальки у самого дна плавают; вода студёная, освежающая, течение быстрое и сильное.

Всё лето детвора проводила на берегах Донца – купались, ловили рыбу. Зимой в трескучие морозы по замёрзшей глади реки катались на санях и самодельных коньках; рубили проруби, рыбачили. Зато весной, когда уже спадали морозы, Донец становился опасен. Лёд подтаивал и начинал трескаться под давлением реки. В назначенное время прибывала белгородская вода или, как её называли, «большая вода», и тогда лёд на реке трещал по швам и с грохотом ломался. Зрелище было ужасающее и восторгающее – как под силой воды толстый твёрдый лёд ломался, словно плитка шоколада. Белые глыбы кружились и толкались, уносимые быстрым течением, сопровождаемые диким рёвом и грохотом, как будто пушки палят.

Донец выходил из берегов и разливался далеко вокруг, на луга и поля. А когда стихия успокаивалась, и вода сходила, щедро напоив землю, травы на лугах потом зеленели густые, сочные. Потому и называли такие луга заливными.

Но, бывало, и вред приносила вода. Когда особенно снежная была зима, то весной сильно разливался Донец, и затопливал близлежащие дома и даже целые улицы. Так почти каждую весну случалось в Осиновке (это окраина Чугуева, растянувшаяся в низине под холмом). Хотя и было до реки с полкилометра, а доставало и сюда. Тогда люди хватали детей, вещи, какие успевали, и вылезали на крыши своих домов, чтоб переждать стихию. У жителей крайних улиц даже были заблаговременно собраны узелки с необходимыми вещами на случай сильного разлива Донца.

Здесь, в Осиновке, на южной окраине Чугуева, жили семьи Пахоменко и Суботинных, о которых пойдёт дальше речь. Именно отсюда берёт своё начало эта история.

Шло лето 1916 года. По Земле прокатилась волна Первой мировой войны. В России свергнут империалистический строй. Нет больше великой Российской империи. Достигнуты «великие цели», но жить не стало легче. В умах гениев и бунтарей зарождается идея и план Октябрьской революции – за новый режим, за свержение власти буржуазии, за новую форму правления и собственности – за власть советов и коллективную собственность. Сколько жизней уже полегло на полях войны, сколько их ещё унесут революции и войны. Но это всё только будет, потом. А пока наступило временное затишье, смутное, но относительно спокойное время. Люди похоронили и оплакали своих близких, погибших на войне, и продолжали жить – работать, любить, радоваться, рожать детей – и всё это во имя мира, в память о погибших братьях и сёстрах, отцах и сыновьях.

В Осиновке, в семью Павла и Пелагеи Пахоменко не вернулись с войны двое сыновей – Митя погиб, Фёдор пропал без вести. Вернулся только Николай, самый старший из всех. Тяжесть скорби и груз неведения нависли над домом Павла и Пелагеи. Мать не могла смириться с гибелью младшего, и даже не знала, жив ли её средний сын. Она не могла ни оплакать его, ни похоронить. Это было ужасно мучительно – жить пустой надеждой и вздрагивать каждый раз, когда в голосах младших детей слышались нотки Фединого голоса; вскакивать и бежать вслед за незнакомцем, проходящим мимо, только потому, что его черты показались матери знакомыми – похожий разворот плеч или походка, – и понимать, что ошиблась, обозналась. Где он сейчас? Жив ли, мёртв? Если жив, то почему не возвращается домой, не подаст весточки? Может, ему сейчас плохо и нужна помощь, а рядом нет ни одной близкой, родной души. А если мёртв, то где он похоронен? И похоронен ли? Может быть, вороньё истерзало его мёртвое тело? Но нет, нет, Поля не хотела допускать эти ужасные мысли. Она хотела верить, что её Феденька вот-вот сейчас откроет дверь и войдёт в дом.

Но уходили дни и месяцы, а с ними уходила и надежда.

2.

С тех пор прошло почти два года. Уже самому младшему Васеньке весной исполнился год. Жизнь вернулась в свою прежнюю колею.

В разгаре были летние полевые работы. После жаркого трудового дня парни и девушки наряжались и шли к Донцу на гулянье – праздник Ивана Купала. Сегодня будут песни и пляски вокруг костров, а девушки сплетут венки из трав и цветов и пустят их по реке – погадать на замужество.

Старшая дочь Павла Пахоменко, красавица Лиза тоже собиралась на гулянье. Ей скоро исполнится восемнадцать лет, пора уже о замужестве думать, жениха присматривать. Но сердце Лизы оставалось свободным. Не было среди знакомых односельчан того одного, кто мог бы нарушить её душевный покой, тронуть её сердце любовью. Может быть, сегодня придёт кто-нибудь из соседнего села, из Малиновки или Покровки – она увидит его и готова будет пойти за ним?

В глубокой задумчивости Лиза стояла перед зеркалом и расчёсывала волосы. Чёрные как смоль водопады густых волос струились вдоль молодого стройного тела почти до колен. Лиза разделила их на прямой пробор, заплела в две толстые косы и уложила венком на затылке. Голова гордо откинулась назад под тяжестью причёски, и в свете закатного солнца блеснули голубые глаза под чёрными бровями. Лиза улыбнулась своему отражению.

Послышался скрип открываемой двери, и в дом вбежала Нюра Суботина, Лизина подруга.

– Здравствуйте, тётя Поля, – поздоровалась она. – Лиза, идём скорее, уже все пошли к реке.

– А я уже готова, – ответила Лиза, и обратилась к матери: – Мама, Васеньку я покормила, с ним побудут младшие сёстры. А вы отдыхайте.

В дом вошёл Павел и с любовью посмотрел на Лизу. Она была его любимицей. Из десяти детей он выделял именно её, красавицу Лизу – она была очень похожа на мать, – и только при виде её, Лизы, суровое лицо Павла Пахоменко смягчалось.

– Добрый вечер, папа, – сказала Лиза, – мы с девочками идём к реке, там сегодня гулянье.

– Иди, дочка, только будь осторожна. Пьяные парубки обидеть могут. Не давай себя в обиду, и вольностей не позволяй. Ты – Лизавета Пахоменко. Нас уважают, и всегда уважали. Пусть так будет и дальше.

– Конечно, папа, – Лиза ласково улыбнулась. – Можете не беспокоиться.

Лиза поцеловала мать, отца, набросила на плечи тонкий платок и вместе с Нюрой вышла на улицу. Подружки поспешили вниз к реке, где уже разжигались костры и готовились охапки цветов для венков.

– Ну что, Нюра, готова жениха выбирать? – спросила Лиза подругу.

– Ты же знаешь, я не люблю никого. И не хочу замуж, – ответила Нюра.

– Я тоже никого не люблю. Но замуж хочу. И пора уже. Правда, нет никого на примете.

Нюра помолчала минуту, а затем решила всё же:

– Тебя любит брат мой, Григорий. Ходит мрачный, как туча. Шла бы за него. И мы с тобой породнились бы, стали сёстрами.

– Мы с тобой и так роднее родных. Ты для меня всё равно, что сестра, – Лиза обняла подругу. И как отрезала: – А за Григория не пойду. Не люб он мне.

Нюра вздохнула. Ей было жаль своего брата, который давно и безнадежно любил Лизу. Но счастье подруги, которую она любила, как родную сестру, было для неё важнее. А раз Лиза не хотела замуж за Григория, то Нюра и уговаривать не будет.

Обнявшись, подруги повернули к реке.

– Побежали скорее, – вскрикнула Лиза. – Вон девочки нам машут руками.

Девушки взялись за руки и побежали к группе молодёжи, которая уже всю веселилась.

– Ну, наконец-то, девчата, – обрадовано загомонили подруги. – Где же вы так долго? Скорее плетите венки, а то скоро совсем стемнеет, пойдём на воду пускать.

Лиза с Нюрой ловко сплели по венку, и надели себе на головы. В свете костров и заходящего солнца все девушки выглядели загадочно и соблазнительно, словно лесные нимфы: молодые стройные красавицы, одетые в белые самотканые рубашки и длинные яркие юбки, босые и с пёстрыми венками на головах, танцевали и смеялись, пели песни и купались в реке. Это действо завораживало своей красотой и волшебством. А парни, одетые в расшитые рубахи, в начищенных до блеска сапогах, гарцевали на лошадях среди кружащихся девчат.

– Глядите, глядите, Гришка с друзьями, – слышались вокруг смущенные смешки девушек.

Лиза обернулась и увидела возле себя Григория верхом на чёрном коне.

– Здравствуй, Лиза, – сказал он дрогнувшим голосом.

– И тебе добрый вечер, – ответила Лиза.

– А мы с Матвеем коней прогуливали. Правда, Матвей? – обернулся он к другу. Матвей кивнул. – А тут слышали песни да пляски, едва успели. Смотрим, столько хороших девчат пропадает, задарма ноги бьют. Дай, думаем, выручим, потанцуем с ними.

Девушки обрадовались, затрепетали. А Лиза презрительно отвернулась. Григорий слез с лошади и подошёл к Лизе.

– Что это ты от меня лицо воротишь, Лиза?

– Просто не терплю хвастунов и болтунов, – ответила она.

– Я не такой, Лиза. Никого мне не надо, слышишь, кроме тебя. Хочешь, всех брошу, прямо сейчас? Только скажи. – Григорий в надежде смотрел на Лизу. – Ну что же ты молчишь? Скажи.

– Я уже говорила тебе, Гриша. Не надо мне этого. Так что веселись себе на здоровье.

Григорий побледнел от досады и гнева, вскочил снова на лошадь и крикнул:

– А ну, девчата, кто хочет прокатиться с ветерком? Скорее сюда!

Девушки завизжали, закружились вокруг лошади Григория, – каждой хотелось прокатиться с бравым парнем.

– Не все сразу. А ну, давай по одной! – крикнул Григорий. – Матвей, хватай девчат, смотри, заждались уже!

И парни, усадив девушек на коней, понеслись во всю прыть, только ветер засвистел в ушах. Лиза даже не обернулась, и пошла искать Нюру. Нашла её возле костра.

– Я всё видела, – сказала Нюра. – Ты с ним такая строгая и холодная. А он любит тебя.

– Нюрочка, прости, не сердчай на меня, – виновато сказала Лиза, – но я не люблю его. Совсем. Ни капельки.

– Ну, ты можешь хоть говорить с ним приветливее? Хоть чуточку ласковее? Не могу видеть, как он страдает. – Нюра умоляюще посмотрела на подругу. – Он и глупости все эти делает, только чтобы ты внимание обратила. Ну, прошу тебя. Просто будь с ним немного добрее.

– Как же я тебя люблю, моя подружка. Ты у меня такая добрая и заботливая. – Лиза обняла Нюру. – Ты достойна самого доброго и верного мужа. Вот найдём тебе жениха хорошего, и сыграем наши свадьбы в один день, как мечтали в детстве.

Нюра съёжилась.

– Не надо никого мне искать, – сказала она, и глаза её потухли. – Ты знаешь, за кого я замуж собиралась. Другого мне не надо... Митя был...

Нюра умолкла на полуслове.

– Мити больше нет, – осторожно сказала Лиза. – Пора примириться с этой мыслью.

– Примириться? Как ты можешь так говорить? Он же твой брат.

– Да, мой брат, – согласилась Лиза. – Мой погибший брат. Я его любила. И сейчас люблю память о нём. Но его больше нет, и это надо понять. Нельзя отдавать всю любовь мёртвым, когда живёшь среди живых. Ты можешь хранить память о любимом человеке, но хранить верность погибшему – это неправильно. Ведь ты же не умерла. Ты продолжаешь жить, и должна любить и быть счастливой, в память о вашей с Митей любви.

Нюра с нежностью и восхищением посмотрела на подругу.

– Лизонька, какая ты умница. Ты такая сильная. Вот бы мне хоть немного твоей силы. Жаль, что я не такая, как ты.

– Ты замечательная, – ответила Лиза. – Не надо быть такой, как я или как кто-то другой. Ты лучше других, ты лучше всех. Ты добрая, нежная, весёлая. Ты – моя любимая подруга и сестра. И давай бросим грустить и будем веселиться.

Девушки весело подскочили и побежали купаться в реке вслед за шумной гурьбой молодёжи. После купанья прыгали через высокий костёр. А когда совсем стемнело, девушки сняли с голов свои венки, прикрепили к ним горящие свечи, и спустили на воду. Течение подхватывало всё новые и новые веночки, пускаемые со всех сторон, и скоро река превратилась в живую движущуюся массу цветов, освещённых маленькими огоньками горящих свечей. Девушки шли вдоль берегов, следя глазами каждая за своим венком. Многие веночки почти сразу скрывались под водой, тонули – это означало, что в этом году девушка ещё не выйдет замуж. Другие венки продолжали держаться на поверхности воды, уносимые стремительным течением, так что уже и угнаться за ними не получалось. Да и не надо было – хозяйки таких венков, зардевшись румянцем от радости и гордости, под завистливыми и восхищёнными взглядами подруг, небрежно и как будто равнодушно прекращали погоню за удаляющимися огоньками. Всем вокруг уже и так было ясно – эти девушки в скорости выйдут замуж.

Венки Нюры и Лизы сначала какое-то время покружились среди других, но потом один за другим ушли под воду. Нюра с облегчением вздохнула:

– Ну и слава богу. Ещё годик можно погулять.

– Да, Нюрка, – весело сказала Лиза. – Погуляем ещё на свободе. Куда спешить? Ещё успеем. Правда?

И девушки, обнявшись, пошли домой. Через какое-то время они услышали за спиной приближающийся лошадиный топот. Девушки отскочили в сторону, и в ту же минуту с ними поравнялись двое всадников.

– Вы, никак, уже домой собрались, сестра? – раздался из темноты знакомый мужской голос.

– Гришка, ты? – крикнула Нюра. – Ну и напугал ты нас. Разве можно так носиться, ошалелый? Куда так мчался?

– За вами. Думал, не догоню. Со мной Матвей. Может, прокатимся немного? А, Нюся? Уговори свою подругу. – Гриша переводил взгляд то на сестру, то на Лизу.

Нюра посмотрела на Лизу, готовая уже взмолиться. Но Лиза вдруг неожиданно уступила, – уставшая и захмелевшая от веселья и плясок, она согласилась и протянула Грише руку. Он подхватил её и усадил перед собою на лошади. А Нюру, как пушинку, поднял и усадил к себе на коня Матвей, приятель Гриши – высокий и сильный молодой мужчина, с колючим взглядом чёрных глаз и глубокой складкой между густых бровей. Он никогда не нравился Лизе – она ощущала исходящую от него агрессию и сторонилась его.

Матвей уверенным движением прижал к себе свою спутницу, и пустил лошадь вскачь. Нюра сначала испугалась, а потом, почувствовав силу и уверенность Матвея, успокоилась и даже весело подбадривала лошадь, чтоб та неслась быстрее.

Поздно вечером Лиза вернулась домой. В сенях её встретил отец:

– Кто это был с тобой? – спросил он.

– Григорий, – ответила Лиза.

– Гришка? Суботин? – сурово спросил отец. – Что ему надо?

– Ничего. Просто прокатил на лошади.

– Смотри, Лизавета, не вздумай крутить с ним любовь. Он гуляка и бездельник, как и всё их семейство. Тебе такой муж не нужен. Из него не получится путного хозяина. Среди Суботиных не было ни одного толкового работника. Не надо нам с ними родниться.

– Да я и не думала даже о таком, – ответила Лиза. – Просто он – брат Нюры, и мы вместе покатались.

– Нюра – девка хорошая, – сказал отец, – против неё ничего не имею. А Гришка не нужен здесь.

– Не волнуйтесь, папа, – ласково сказала Лиза, – он мне совсем не по душе.

– Я тебе верю, дочка, – немного смягчился Павел. – Иди спать. Завтра рано вставать на покос.

3.

В следующий выходной вечером Лиза снова отпросилась погулять. Нюра уже ждала её за калиткой.

– Идём скорее. Ребята уже ждут, – возбужденно проговорила Нюра и схватила Лизу за руку.

– Погоди, – остановилась Лиза. – Какие ещё ребята?

– Гриша с Матвеем. Сегодня в городе танцы. Так они нас отвезут.

– Никуда я с ними не поеду, – строго сказала Лиза. – Мне отец запретил водиться с Гришей. Ты уж прости. Да я и сама не хочу, ты знаешь. А тебе незачем гулять с Матвеем. Он недобрый, ты его не знаешь совсем.

– Лиза, погоди. Я не гуляю с Матвеем. Я хочу на танцы. А они нас просто отвезут. Ну, давай. Никто и не узнает.

– Нехорошо это, – нахмурилась Лиза. – Я отцу обещала.

– Ну, пожалуйста, – умоляла Нюра. – Я сама с ними не поеду, хоть и с братом. А с тобой... Ведь ты же хотела найти мне жениха. Так пойдём искать.

– Что-то мне не верится, что ты собираешься кого-то искать, – прищурилась Лиза. – Неужели Матвея наметила?

– Не говори глупости, Лиза. Он мне даже не нравится ни капельки. Ну же, давай, соглашайся. Весело проведём вечер, потанцуем. Ты ведь так любишь танцевать, – уговаривала Нюра.

Лиза, наконец, сдалась:

– Ладно, поехали. Но только ради тебя, хотя мне самой это не по душе. Не хватало ещё, чтобы Гришка подумал, будто я из-за него.

– Ничего он не подумает, – наивно отмахнулась Нюра. – Пойдём скорее.

Нюра по наивности своей девичьей ошибалась насчёт Гриши. Он был несказанно рад, что Лиза пришла вместе с Нюрой, и, конечно же, расценил это в свою пользу. Не замечала она также и того, как менялось временами лицо Матвея, как весёлый и добрый парень вдруг оборачивался жёстким деспотичным мужчиной, – когда он прищуривал свои тёмные глаза, и оттого они казались совсем чёрными под густыми сдвинутыми бровями; или когда плотно сжимал челюсти, отчего желваки на его острых скулах ходили вверх-вниз, а профиль приобретал хищный, угрожающий вид.

Лиза была более осторожная и рассудительная, нежели её подруга. Потому все эти едва заметные перемены в облике Матвея не ускользали от её внимания. Матвей не нравился Лизе, ох как не нравился. Более того, он откровенно пугал и отталкивал её.

А Нюра весело смеялась над его шутками и искренне удивлялась его фантастическим рассказам о каких-то геройских подвигах, которые у Григория вызывали улыбку, а у Лизы недоумение и раздражение.

После танцев парни отвезли девушек домой, но в этот раз Лиза распрощалась со всеми на краю улицы, подальше от дома, чтоб не дай бог отец не увидел.

Гриша спрыгнул с лошади и подошёл к Лизе вплотную. В темноте сверкали его глаза. Лиза смотрела на него снизу-вверх, и видела его волнение. Вдруг в один момент он решился и притянул Лизу к себе, пытаясь поцеловать. Но Лиза вырвалась и отпрыгнула от него.

– Ты что это себе надумал? – возмущённо воскликнула она. – Что себе позволяешь?

– Ничего дурного, поверь. Просто я люблю тебя, неужели не видишь? – ответил Григорий. – Я думал, что ты... А ты, как дикая, шарахаешься от меня, будто чёрт от ладана.

– Да не люблю я тебя просто, вот и всё, – сказала Лиза, развернулась и пошла по направлению к дому.

Григорий рванул за ней, но Матвей удержал его за рукав:

– погоди, не торопись. Потерпи немного, и всё устроится. Ты же знаешь баб: они сначала поломаются, побрыкаются, а потом раз – и сами на шею вешаются. Правда, Нюрка, вы ж бабы такие?

И Матвей противно зареготал, а Нюра съёжилась от его слов.

– Ничего, всё равно моей будет. Слышишь? – Григорий крикнул в темноту. – Всё равно будешь моей! А ты, – он повернулся к сестре, – марш домой! Поздно уже. Загулялась с мужиками!

Нюра помчалась домой, давась слезами от обиды: из-за грубости брата и пошлостей его друга. А Григорий вскочил на лошадь и резко стеганул её плетью. Бедное животное от неожиданности встало на дыбы и заржало, и пулей понеслось по улице вдоль домов. Лиза уже подошла к своей калитке, как мимо, чуть не сбив её с ног, промчался разъярённый Григорий на взмыленной лошади.

Лиза отвернулась и зашла во двор. В дверях дома её ждал отец.

– Кто это был? – спросил Павел у дочери.

Лиза не ответила.

– Молчишь?! Ну, молчи, молчи. Я и сам знаю, кто это. Гришка? Да?

Лиза подняла на отца полные сожаления глаза. Ей было очень больно от того, что она ослушалась и расстроила отца.

– Отвечай! – Павел повысил голос. – Это он?

– Да, – Лиза снова опустила глаза.

В сени на шум вышла Поля.

– Что случилось? – спросила она. – Чего вы так шумите? Всех в доме перебудите.

– А вот полюбуешься на свою честную дочь! – всё больше заводился Павел. – Обещала мне не ходить с Гришкой Суботиным, а сама шляется с ним по ночам.

Лиза снова подняла глаза, полные слёз:

– Папа, вы не так всё поняли. Я не хожу с ним. Просто мы были на танцах...

– Что?! – взревел Павел. – На танцах?! Какой ужас! Теперь все в округе будут говорить, что ты с ним гуляешь.

Поля с жалостью и сочувствием смотрела на дочь. Она дотронулась до руки мужа, но тот резко отдернул руку.

– Павел... – начала Поля.

– Нет! Молчи! – прервал её муж. – Моя дочь не будет гулять с этим беспутным! К тому же она меня обманула. Поэтому с завтрашнего дня ты ни шагу из дома не ступишь! Слышишь, Лизавета?

Лиза кивнула склоненной головой.

– А с тем шалопаем я завтра поговорю по-мужски. Он навсегда забудет сюда дорогу. И Нюрку твою здесь видеть не хочу!

Лиза ахнула и посмотрела на разгневанного отца, но возразить ему не посмела. Она отвернулась и уткнулась лицом в плечо матери. Поля обняла дочь.

– Паша, ну так вовсе нехорошо. Ты уж совсем разошёлся, – тихонько сказала Поля, глядя дочь по волосам. – Причём тут Нюра? Гришку наставь, если надо. А Нюра ведь – совсем другое дело. Она девушка хорошая. Да и нехорошо это, не по-людски. Соседи ведь.

– Мне такие соседи не нужны в моём доме! – стоял на своем Павел. – Меньше бы водились с такими соседями – больше было бы пользы. И хватит уже! Я сказал – значит так и будет. Всё! А теперь марш все в дом, спать! Завтра рано в поле.

Лиза высвободилась из материнских объятий и побежала в дальнюю комнату, где спали старшие сёстры. Слёзы градом текли по её щекам – от обиды и досады, что понапрасну услужалась отца и понапрасну получила наказание. Ладно уж, если бы из-за любимого человека. А то ведь получилось – ни за что пострадала.

Глава 2.

1.

Зимой на праздник Крещения, после гуляний девушки собирались у одной из подруг и гадали. Много разных способов имелось у девчат, но был один особенно популярный и надёжный – «на петухах». Приносили девушки с собой по петуху. Садились по кругу, на полу раскладывали разные предметы, а потом по очереди пускали петухов в круг. И вот к чему подойдёт петух, чем заинтересуется – таков, по приметам, и будет суженый у девушки. Если колоски с пола поднимет – значит, работающий будет, трудолюбивый; если деньги выберет – значит, небедный попадётся, в достатке будут жить; если под себя всё подряд гребёт – значит, хозяин хороший будет, добра наживут много. Если в зеркало смотрится – значит, мало толку будет, не любитель работать; а если к водичке прикладывается – значит, выпивать будет.

В эту зиму на гаданье собирались у Оксаны. Много девчат пришло, среди них и Лиза с Нюрой. Страсти уже давно улеглись, Лиза помирилась с отцом, и всё встало на свои места. Девушки собрались в большой комнате, разложили на полу всякую всячину: и деньги, и колосья, и блюдечко с водой, и зеркало поставили, и даже гребень положили для смеху, а рядом папиросы.

Стали петухов пускать. Вот настал черёд Лизино петуха. Лиза поставила его в круг. Он огляделся, встряхнул перьями, возмущенно озираясь по сторонам. Затем осмелел, освоился, и пошёл, важно так: сначала к зеркалу – отряхнулся, поправил пёрышки, затем сделал круг почёта, осмотрел предметы, ничем не заинтересовался, и остановился возле блюдца с водой. Да как приложился к воде: то уже он пил, как будто неделю без питья сидел. Потом вернулся к зеркалу – оправился, почистился, полюбовался на своё отражение – и опять к воде.

– Ох, – вздохнула Лиза, сгребая под дружное веселье подруг своего петуха, – только гуляки и выпивохи мне не хватало!

– Да брось, – весело сказала Нюра, – не переживай. А может, неправда всё это.

И пустила своего петуха.

Нюрын петух вспрыгнул и давай ноги разминать – видать, затекли от длительного сидения на руках у хозяйки. Затем прошёлся мимо лежащих предметов напрямик к зеркалу, увидел в нём своё отражение, нахохлил перья на голове и шее, и бросился на зеркало – стал бить и клевать, будто соперника. Нюра, видя, как её петух разошёлся, хотела его убрать, но он не дался ей в руки, чуть не клюнул её. Только повалив зеркало, немного успокоился, отошёл, напился из блюдца и стал загребать под себя всё, что видел вокруг.

– Вот это да, – шутили подруги, – ты гляди, какого мужика наметила, делового – всё собрал, что было, ничего другим не оставил.

– Да только драться мастак, – подхватывали другие, – смотрите, как зеркало уделал.

Нюра тоже веселилась вместе с подругами, но беспокойно стало на душе, тревожно. Ей бы хотелось, чтоб её петух спокойно колоски собрал и уgomонился.

– Ну, что встревожилась, подруга? – спросила у неё Лиза. – Не из-за петухов ли? Ой, да глупости всё это. Забудь и не думай. – Лиза обняла Нюру. – Хочешь, пойдём домой?

– Пойдём, – охотно согласилась Нюра. – Всё равно уже веселиться не хочется, да и устала.

Девушки оделись и забрали своих петухов. Уже в дверях услышали призывы подруг: «Бутылочка, бутылочка!». Это парни присоединились к весёлой девичьей компании, и сейчас начиналось основное веселье. Но Лиза с Нюрой уже были на пути к дому.

– А пойдём к нам, чаю попьём? – предложила Лиза подруге.

– Да пойдём, – охотно согласилась Нюра. – Спать совсем не хочется, да и время ещё не позднее.

И девушки свернули направо к дому Пахоменко. В сенях на вешалке Лиза увидела чужое пальто – значит, дома тоже гости. Это была тётя Дуня – мать Нюры и Гриши.

– Доброго вечера, – поздоровались девушки.

– Как хорошо, что у вас самовар уже на столе. Мы тоже спешили к чаю, – обрадовалась Лиза.

Девчата сели за стол, на котором дымился и пыхтел самовар. Вокруг самовара стояли блюда с чашками и тарелки с угощениями: в одной были баранки, в другой коржики, в третьей сахар кусочками. Но были две главные тарелочки – признак изобилия и зажиточности в те времена – с вареньем: одна с вишнёвым вареньем, другая – со сливовым.

Лиза налила чай себе и подруге. Над чашками поднимался густой пар от крутого кипятка. Из чашки Лиза отлила немного чаю в блюдце. В одну руку она взяла блюдце с чаем, в другую – ложечку с вишнёвым вареньем, и с огромным удовольствием стала потягивать чай со сладостями. За окнами мороз трещит, метель завывает, а здесь тепло, уютно и так вкусно. Что ещё надо для счастья?!

– Да-а, – протянула Дуня Суботина, попивая чай из своего блюдца, точь-в-точь как Лиза и остальные, – богато живёте, хорошо. – И завистливо покосилась на щедро уставленный стол.

– Да что ты, Дуня? – ответила Поля, – живём как все. Не голодаем, и то, слава богу.

– Так мы ж работаем много, вот и есть чем кормиться, – перебил жену Павел, который был здесь же в комнате – что-то ремонтировал по дому.

– Ну что ты такое говоришь, Павел? – рассердилась Поля. – Дуня, не слушай его, он не хотел тебя обидеть.

– Да я и не обиделась вовсе, – ответила Дуня. – Просто завидую я вам. Всё у вас есть, и всё у вас хорошо. Жаль, у меня в семье не так всё благополучно.

– Да что ты говоришь такое, Дуня? – возразила Поля. – Всё у тебя хорошо: и муж, и дети. И хозяйство есть. Ты не наговаривай.

Дуня вздохнула, ничего не ответила.

– Давай лучше споем, – сказала весело Поля, чтобы переменить тему. – А ну, девки, подпевайте.

И Поля запела сочным, низковатым голосом любимую песню Лизы – «Хас Булат удалой». Лиза захлопала в ладоши и сразу же подхватила: «... бедна сакля твоя, золотую казной одарю я тебя...». Лиза с самого детства любила эту песню: мама часто пела её по вечерам, и Лиза подпевала ей звонким голоском.

Нюра с матерью тоже подхватили, и голоса этого небольшого хора слились в звучное, будоражащее кровь пение, которое заполнило весь дом, и в вечерней тишине было слышно даже на улице. Следом, почти без перерыва, пошла вторая песня, затем третья, четвёртая.

Лиза пересела к зеркалу, чтобы расчесать волосы. Она распустила причёску, перебросила косы через плечо наперёд и начала расплетать их, продолжая вместе с остальными петь. Затем она взяла гребень и стала осторожно расчёсывать прядь за прядью.

Закончили петь очередную песню, и Дуня, глядя в сторону Лизы, сказала:

– Ох, какая девка получилась! Завидная невеста. Хорошо бы её за моего Гришку засватать, а, Поля?

Поля боязливо обернулась в ту сторону, где сидел Павел, боясь, что он услышал, но его там не было – видно, вышел куда-то.

– Дуня, я бы и не против, – осторожно сказала Поля, – но ты же знаешь, как к этому относится Павел. Он не согласится.

– А что Павел? – пожала плечами Дуня, – ну не убьёт же он их, особенно, если дети любят друг друга. Ну, побесится немного и остынет.

– Любят? – переспросила Лиза, глядя на Дуню через зеркало, не поворачивая головы, и продолжая расчёсывать волосы. – А кто здесь кого любит? Моё сердце свободно.

– Ишь, какие слова повыучили?! – усмехнулась Дуня. – Сердце её свободно. Не век же ему свободным оставаться.

Она подошла к Лизе и встала за спиной, любуясь её густыми, струящимися вдоль спины волосами. Затем неожиданно запустила обе руки в Лизины волосы и провела руками вниз, пропуская пряди волос между своих пальцев, как будто гребнем расчесала.

– Ох, и красивая ты, Лизка, – сказала Дуня, глядя в зеркало Лизе в глаза. – Красивая. И непокорная.

Что-то недоброе прозвучало в этих словах. И не понравилось Лизе что-то, промелькнувшее во взгляде этой женщины. Не понравилось, и даже напугало. Лиза опустила глаза и в этот момент почувствовала слабое покалывание у виска, как будто несколько тонких иголочек впились в кожу. Так бывает, когда вырываешь волосинку.

Лиза встала, высвободила свои волосы из посторонних рук, пригладила их и заплела в одну не тугую косу. Потом смело посмотрела Дуне в лицо и с улыбкой сказала:

– Не вашему Гришке меня укрощать.

– Поживём – увидим, – спокойно ответила Дуня.

Они с Нюрой уже засобирались домой.

– Поздно уже. Пойдём мы. Доброй ночи, соседи.

– И вам доброй ночи.

Лиза помогла матери убрать со стола посуду.

– Эта женщина недобрая, – сказала она матери. – Зачем вы с ней дружите?

– Да я не то чтобы дружу, – ответила Поля, – просто по-соседски. И жаль мне её, твой отец всегда с ней так не приветлив.

– Ну и правильно, – резко сказала Лиза, – просто папа видит, какая она на самом деле.

– Лиза, не надо так грубо о людях. К тому же, тётя Дуня тебе в матери годится, – прервала Поля свою дочь.

– Не дай бог мне её в матери, – пробурчала Лиза. – И в свекрови тоже.

На следующий день Лиза проснулась бледная, не отдохнувшая, с головной болью. Весь день она не могла встать с постели, бредила, её знобило, а к вечеру стошнило, и лихорадка отступила – Лиза смогла, наконец, уснуть спокойным глубоким сном.

Мать беспокоилась. Никто не знал, что это было. Лихорадка, как наступила, так же внезапно и отпустила.

Что-то произошло в ту ночь, – словно пелена застелила глаза, и голова так и не прояснилась. Только с той ночи в память Лизе врезался образ Григория, и никак не могла она отделаться от него. Наоборот, всё больше, всё чаще стала думать она о Грише. Ругала себя за эти мысли, гнала их от себя прочь, но ничего не могла с собой поделать – всё возвращалось вновь.

Однажды она не выдержала и поделилась с подругой:

– Послушай, Нюра, это очень важно. Я не знаю, что происходит, но я постоянно думаю о Грише.

Нюра всплеснула руками от радости и бросилась подруге на шею.

– Наконец-то, – радовалась она. – Теперь вы с Гришей...

– Нюра, подожди, – пыталась утихомирить её Лиза. – Я ещё ничего не собираюсь делать. Я просто...

– Ты просто влюбилась, да? – глаза Нюры светились детской радостью.

– Да не знаю я, – в задумчивости произнесла Лиза. – Не могу сказать, что полюбила. Когда бы я успела? Да и не могло оно всё так вдруг поменяться. Но вот только я целыми днями о нём и думаю.

– Ой, как это здорово! – Нюра снова обняла подругу. – Гриша будет счастлив.

– Подожди. Не говори ему ничего. Не надо.

Нюра слегка расстроилась. Ей хотелось первой сообщить брату такую радостную для него новость. Но она пообещала подруге, что ничего никому не скажет.

Вскоре Гриша сам позвал Лизу погулять, и она тайком от отца стала бегать к нему на свидания.

2.

Наступила весна, и Григорий прислал в дом Пахоменко сватов. Сватовство закончилось скандалом – Павел в ярости прогнал гостей из дома и сказал Лизе, что не даст своего благословения на этот союз. Мало того, если Лиза ослушается его и всё же выйдет замуж за Гришку, то он не даст ей ни гроша приданого.

Лиза была не менее упряма, чем отец – характер она унаследовала именно от него, – поэтому в конце весны, когда закончили посевные работы, Лиза Пахоменко и Григорий Суботин сыграли свадьбу. Павел не пришел на эту свадьбу, и сдержал слово – не отдал Лизе полагающуюся ей часть приданого, так что Лиза, будучи уже Суботиной, пришла в дом к мужу, в чём была.

Мать Григория, Дуня, обозлилась на Павла, поэтому всё время цеплялась к Лизе и придиралась. Только подруга Нюра была её отдушиной, да и то недолго. Вскоре сыграли вторую свадьбу – Нюры и Матвея, и Нюра покинула родной дом.

Шло время. Лиза часто навещала свою семью. Она очень скучала по маме, братьям, сёстрам, и особенно по отцу. Ей было обидно до слёз, что они с отцом так рассорились. Ей очень хотелось за всё попросить у него прощения. Но Павел ходил чернее тучи и всем своим видом показывал, что лучше его не трогать.

Как-то в одном из разговоров с мамой Лиза призналась, что не любит Гришу, что ей там плохо, и она хочет обратно домой.

– Как пеленой тогда глаза застелило – везде только Гришку этого и видела, ни о чём другом думать не могла. А как свадьбу отыграли, жить стали, так куда всё и делось – сошла пелена с глаз, и увидела я снова, как он мне противен. Чуть ли ни на следующий день всё увидела, – плакала Лиза. – Что мне теперь делать? Как жить дальше?

Мать обняла дочь и, как в детстве, стала гладить её по волосам.

– Он тебя обижает? – спросила Поля, пытаясь скрыть тревогу и волнение.

– Нет, что вы, мама, – возразила Лиза. – Не обижает. Просто не люблю я его. А как подумаю, что в постель к нему надо ложиться, так хочется волком выть. Мама, можно, я у вас переночую? – Лиза подняла на мать полные слёз глаза.

– А что это даст? – спросила Поля, глядя дочери в глаза. – Сегодня переночуешь дома, а завтра ведь всё равно к мужу возвращаться надо.

– Не хочу я туда возвращаться. – Лиза снова уткнулась лицом матери в шею.

– Не получится, – ответила мать. – Ты ослушалась отца, наперекор ему вышла замуж за Гришку, отец до сих пор не может тебе этого простить, хотя почти год уже прошёл. А теперь ты вообще хочешь опозорить его скандалом? Он не переживет такого унижения. У твоего отца сердце стало пошаливать в последнее время. Не добивай его, я тебя прошу.

Лиза с тревогой посмотрела на мать. Она никогда не задумывалась о возрасте своих родителей, а ведь им уже было под пятьдесят. Лиза представила своего отца, всегда такого сильного, решительного и неутомимого. Мысль о слабом сердце отца никак не вязалась с этим сильным образом. И, тем не менее, Лиза понимала, что годы тяжёлого труда, хлопот и потрясений не прошли бесследно. А тут ещё она со своим замужеством.

– Хорошо, мама, я вам обещаю, что не заставлю больше папу страдать, – сказала Лиза, вытирая слёзы. – Я очень вас всех люблю. Только можно, я ещё немного с вами побуду?

– Побудь, конечно, доченька. – Поля снова прижала Лизу к себе. – Ничего, со временем привыкнешь. Мало кто из нас, женщин, счастливы замужем, потому как выскакивают девчата замуж за первого, кто позовёт, боясь в девках засидеться. Как за двадцать перевалило, так всё уже – переспелый фрукт, никому не надо. Вот и спешите, боитесь опоздать. А потом плачете: ошиблась, мол, поспешила. Да поздно уже – семья, дети. Вот и приходится терпеть ради детей да ради имени доброго. А то ведь как ещё в других семьях бывает: родители решают всё за молодых – выберут пару, сосватают, поженят, а вы живите потом, как хотите. И ничего, живут, и даже счастливы потом, а со временем ещё и спасибо родителям говорят. Так что тебе, кроме себя самой, не на кого больше пенять. Сама свой выбор сделала.

– Да не выбирала я его, мама. Говорю же вам, как будто затмение нашло, как тумана кто напустил. Я же Гришку никогда не любила, даже наоборот. Он – гуляка и болтун, к тому же выпить крепко любит. Это всё не по мне. Не могла я в такого влюбиться.

– Отец тоже тебе всё это говорил не раз. Но только на все отцовские запреты и мои уговоры ты твердила, как завороченная, что только он тебе нужен – только Гриша, и всё.

– Точно, как завороченная, – задумчиво повторила Лиза, потом встрепенулась: – А может, они и правда меня приворожили? Тётка Дуня, свекровь моя, могла таким согрешить. И Гришка быстро так со сватовством подсуетился. Точно она его научила.

– Да не выдумывай, – возразила мать. – Это грех большой. Да и вообще, ну не могла же Дуня таким заниматься.

– Почему не могла? Да запросто.

– Не придумывай, – повторила мать. – И не сваливай свою вину на других. Выбрала себе мужа, вот и живи теперь, как все живут. Стерпится-слюбится.

– Да не слобится, – вздохнула Лиза.

3.

Прошло еще полгода, Лиза пообвыкалась в новом доме, смирилась. Муж любил её, не обижал, старался быть нежным. Не загружал работой. Лиза сама загружалась по самую макушку – с самого утра и до поздней ночи – то по дому, то по хозяйству, то прибраться, то обед приготовить, а всю весну да всё лето в огороде спину не разгибала. Ей свекровь, бывало, кричит с порога:

– Лизавета, брось, отдохни маленько. А то устанешь, ослабнешь. Вечером на мужа-то сил не останется.

– А ничего, – отвечала ей Лиза, – вечером зато к ужину будет стол накрыт, как положено, и муж будет сыт и доволен – это главное. А то ведь некормленного мужика и ублажить-то не получится.

– Ох, и остра же ты на язык, Лизавета. Всё такая же, как и прежде, своенравная и непокорная.

Поохает, повздыхает и обратно в дом зайдет. А Лиза махнёт только рукой, и обратно к грядкам, спину гнёт до заката – ей отдыхать некогда.

Вечером после работы, бывало, то к матери с отцом забежит проведать, то к подруге Нюрочке. Нюра с Матвеем жили на соседней улице, так что виделись подруги часто: новостями поделиться да на жизнь семейную нелёгкую поплакаться.

– Матвей изменился, – вздыхала Нюра. – Поначалу был такой ласковый, говорил, что любит, замуж настойчиво звал, уговаривал, цветы полевые охапками приносил. А как поженлись – так куда всё и подевалось? Второй год всего живём – а ни любви, ни счастья. Только ревнует, как чёрт. Проходу не даёт со своей ревностью. А как напьётся, так вообще дурак дураком, звереет, хоть прячься. Я даже его побаиваюсь пьяного. Ну а вы как? Всё у вас там ладится?

– Да ничего, – отвечала Лиза, – живём помаленьку.

Осенью Лиза поняла, что беременна. Так что к следующему лету в семье Григория и Лизы Суботиных ожидалось пополнение. Тогда Павел Пахоменко окончательно смирился, собрал всё причитающееся Лизе приданое, погрузил на телегу и отвёз дочери. Больше двух лет он держал обиду на дочь, и почти с ней не общался. Для него была мучительна эта вынужденная глупая разлука, он очень скучал и тосковал по своей любимице, но не мог простить того, что Лиза ослушалась его и пошла наперекор слову отца – он желал другой судьбы для своей дочери.

Но когда узнал, что скоро Лиза подарит ему внука, смягчился и простил её, тем более что сам собирался вскоре снова стать отцом – уже в пятнадцатый раз за тридцать лет.

Так что мать и дочь – Поля и Лиза – носили своих детей в одно время. Гриша, довольный и гордый будущим отцовством, затеял строительство своего собственного дома, но вместо того, чтобы строить дом, все дни напролёт гулял и веселился, как и прежде.

Прошла зима, потом и весна, наступало лето 1919 года, а дом и наполовину ещё не был построен.

Однажды терпение Лизы кончилось. Она отыскала мужа на реке, где он с Матвеем в шумной компании пил сивуху за здоровье своего будущего ребёнка. Лиза сдвинула брови и упёрлась руками в бока.

– И долго ещё это будет продолжаться, Гриша? – обратилась она к мужу. – Может, ты прекратишь попойку и достроишь наш дом? Или мне придётся родить посреди огорода в недостроенном доме, или, ещё хуже, в сарае?

Все обернулись в сторону Лизы. Она стояла с воинствующим видом среди изрядно подвыпивших мужиков – такая хрупкая и решительная одновременно. Длинный летний сарафан обтягивал её большой круглый живот, платок сбился с плеч; пышная, налитая уже будущим молоком грудь высоко вздымалась от тяжёлого дыхания и от волнения; прядь чёрных волос выбилась из причёски и струилась по щеке вдоль виска. Все на мгновение умолкли, зачарованные видом взволнованной Лизы. Первым очнулся Матвей. Он, шатаясь, подошёл к Лизе вплотную и сказал, похабно улыбаясь:

– А ты, как видно, смелая, не побоялась прийти одна в компанию нетрезвых мужчин.

При этом он громко икнул и пошатнулся в сторону Лизы, обдав её крепким перегаром. Лиза едва сдержала приступ тошноты.

– Я не боюсь ни твоих друзей, ни тем более тебя, – холодно произнесла Лиза, брезгливо скривив губы.

– Конечно, не боишься, – передразнил её Матвей. – Не боишься, потому что Гришка рядом.

Потом наклонился к самому её лицу и добавил:

– Но ведь его могло здесь и не быть. И кто бы тебя тогда защитил?

Лиза отшатнулась от Матвея и увидела в его глазах похотливый блеск, от которого у неё мороз по коже пробежал. Она отвернулась от пьяного развратника и снова позвала мужа:

– Гриша, ты меня слышишь? Идём домой. Пора уже прекратить гулянье и начать вести себя по-мужски, и как будущий отец, а не как мальчишка! А, что с тобой говорить?! – махнула Лиза на пьяного в стельку мужа и ушла прочь.

4.

Дом Григорий так и не достроил. Остался посреди пустого участка недострой – стены до половины, без окон, без крыши, – так всё и бросил. Выделили им Гришины родители в своём доме отдельную маленькую комнатку, Гриша на скорую руку пристроил к ней ещё одну. Вот и получилась у них своя добрая половина.

В начале лета Лиза родила своего первенца, Павла – назвала в честь отца. А через месяц её мать родила дочь Дуняшу. Лиза вместе с Павликом была возле матери. Малыша своего отдала на руки старшим сёстрам, а сама помогала тётке Бышихе, которая месяц назад приняла

у Лизы Пашеньку, и сейчас хлопотала возле Поли. Роды были нелёгкие, но всё прошло благополучно, и кричащую малышку уже полоскали в тазу с тёплой водой. Потом туго запеленали и положили рядом с Полей, которая, наконец, почувствовала облегчение и отдыхала.

Лиза вышла из спальни в общую комнату, чтобы взять воды для матери, и случайно услышала, как в сенях тётка Бышиха говорила её отцу:

– У Пелагеи были тяжёлые родины, ребёночек крупный, да обвит был за шею, никак выходить не хотел. Точно, как у Лизаветы. Но та девка молодая, крепкая, быстро отошла. А вот жену твою придётся побережь неделю, а то и две – будет видно. Так что не поднимай её пока, пусть полежит, а через два-три денька уж и вставать понемногу можно. Да вот ещё что: за ребёночком присматривай – как вести себя будет. Если плакать много будет или дёргаться начнет, зови тогда меня.

– Понимаешь, – продолжала повитуха, – ребёночек долго в промежности головкой пробыл – застрял, чуть не задушился. Так что, как бы водянок в головке-то не было.

Лиза бросилась в детскую комнату, где детвора по очереди нянчилась с племяншом, схватила сыночка на руки, прижала к груди крепко, потом отстранила и оглядела его – маленький Павлик спал, мирно посапывая, не дёргался и не кричал. Лиза поцеловала его нежную щёчку, и опять прижала к себе своё дорогое сокровище. А парень, видать, почувствовал тепло и запах маминой груди, открыл глаза, поводил ими, потом заворочался, скривился и захныкал, да так жалобно, что у Лизы сердце сжалось. Она расстегнула до половины рубаху, освободила грудь, полную молока, и приложила к ней сына. Тот пару раз потыкался носиком, как котёнок, затем нашупал ртом сосок, ухватился за него и стал жадно тянуть молоко, как будто боялся, что у него сейчас это отнимут.

И ничего другого не существовало в этот момент для Лизы – были только она и её маленький сыночек, и ничего важнее и быть не могло. Все проблемы уплыли куда-то очень далеко – её сейчас не беспокоила совместная жизнь с нелюбимым мужем, её не волновали трудности и заботы – сейчас она была просто счастлива.

Маленький Павлик утолил первый голод и жажду, и теперь тянул молоко немного спокойнее. А когда насытился и стал засыпать, то лишь изредка потягивал молоко, но грудь не выпускал, не желая полностью расстаться с удовольствием. Тогда Лиза сама осторожно высвободила свою грудь, положила спящего Павлушу на кровать, застегнулась, оправилась, и пошла проведать маму и младшую сестрёнку, которая только час назад увидела свет.

Первые две недели, пока Поля окончательно не окрепла, Лиза каждый день приходила к ней, ухаживала за матерью, организовывала младших братьев и сестёр нянчиться с самыми маленькими, а старшие помогали ей по хозяйству – стирали, готовили обед, кормили скотину, поливали огород.

Иногда к ним в гости заходила Нюра Суботина.

– Так, – говорит, – шла мимо, дай, думаю, зайду на минутку, проведу вас всех. У вас так хорошо, – вздыхала она, – так дружно, весело, шумно. Не то, что у нас, с ума можно сойти от тоски.

Нюра любила детей и очень хотела родить своих, но у них с Матвеем не получалось, вот и нянчилась пока с чужими. Она обожала своего племянника, маленького Павлика, и всё время возилась с ним, как со своим.

– Я как побуду полдня с ним, так потом и стоит он у меня перед глазами; куда б я ни шла, что бы я ни делала – везде его вижу. Хочется рассказать кому-нибудь, а поделиться не с кем, даже с самым близким – с Матвеем. Однажды не удержалась, рассказала ему про то, как с Павлушей и Дуняшей день нянчилась, так он меня упрекнул, что, мол, самой уже пора. А что я могу поделать, если не выходит ничего? – вздыхала Нюра. – Два года уже мы с ним живём, и ничего. Видно, бог меня наказал.

– Ты что, Нюра? – испугалась Лиза, – грех такое говорить. Да и за что богу тебя наказывать? Ты ведь и мухи в своей жизни не обидела. А то, что живёте с Матвеем уже два года – так разве это срок? Мы-то ведь с Гришей уже вторую годовщину справили, а я ещё с пузом ходила. – Она обняла Нюру и погладила её по волосам. – Не переживай, всё у вас ещё получится. Будут и у тебя обязательно деточки. А пока вон учись, набирайся опыта с нашими.

В это время дверь отворилась, и в дом вошли Григорий с Матвеем.

– Доброго здоровья вашему дому, – поздоровались они.

– А мы думаем, где это наши жёнушки запропастились? – улыбнулся Матвей, подходя к молодым женщинам. – А они вот где спрятались.

– А где нам ещё быть? – ответила Лиза, гордо вскинув голову. – Где дом, дети, где семья – там нас ищите.

– Ну, ты, Лиза, понятно, – он глянул исподлобья Лизе в глаза, – а другие только по гостям ходят, – и Матвей кивнул в сторону жены.

– Матвеюшка, – встрепелась Нюра, – я ведь только подруженьку навестить хотела, да с детками побавиться.

– Ладно, не заводись, – пробурчал Матвей, – я ничего против подруги твоей не имею. А вот детей своих уже пора нянчить.

Нюра опустила глаза. Лиза почувствовала обиду и боль подруги, и вспыхнула от негодования.

– Матвей! – сказала она, еле сдерживая возмущение, – как ты можешь так говорить? Ты же задеваешь её за живое.

– Ой, бабы, – скривился Матвей и замахал руками, – вас только тронь, так вы уж и не отстанете.

– Зачем ты так обижаешь Нюру? В чём ты её обвиняешь? – не унималась Лиза. – Может, это вовсе не она, а ты не можешь...

Она запнулась на полуслове. Матвей страшно глянул на неё. Нюра увидела перекошенное гневом лицо мужа и испугалась за подругу, – Нюра знала резкий нрав своего Матвея, – дальше могло произойти всё, что угодно. Нюра перевела взгляд на Лизу и испугалась ещё больше – её подруга сидела, гордо выпрямив спину и ровно держа голову, и бесстрашно смотрела прямо в глаза Матвею, и только слегка трепещущие ноздри и приподнятая левая бровь выдавали бурю негодования, которую Лиза еле сдерживала.

– Гриша, дружище, – наконец, заговорил Матвей, переведя взгляд с Лизы на Григория, – придержи-ка язык своей жене. Негоже так с мужиком говорить. – Он искоса посмотрел снова на Лизу. – Да, не моя ты супружница. Будь ты моей женой, ты бы не говорила так неуважительно.

– Я говорю так, как считаю нужным, – спокойно ответила Лиза. – И я точно не твоя жена, и точно ею не стану! Скорее земля перевернётся, нежели быть такому. А подругу мою не обижай!

– Лиза! – резко оборвал её Григорий. – Уймись!

Лиза молча встала и направилась к двери. Матвей сощурил глаза и процедил ей вслед:

– Не зарекайся.

Лиза вышла, даже не обернувшись.

5.

Прошла зима, за ней и весна. Летом маленькому Павлику исполнился год. Нюра продолжала часто навещать свою семью, Лизу и любимого племянника. Дома она больше не заводила разговор о чужих детях, боясь снова вызвать гнев и упреки мужа. Да и вообще старалась меньше рассказывать ему о семье брата. После той, слишком эмоциональной встречи она вообще боялась, что Матвей запретит ей дружить с Лизой. Но ничего подобного не произошло. Казалось, наоборот, Матвей даже стал немного мягче и внимательнее с Нюрой.

« – Неужели на него так подействовали слова Лизы? – наивно предполагала Нюра. – Он видел, что Лиза его не боится, и он отступил. Неужели проняла его?! Надо же. Никогда б не подумала».

Нюра не видела очевидного – того, что её муж всерьёз и давно был увлечён её подругой, и именно потому он так быстро остыл от Лизиных обидных, хотя и верных, слов, и потому он теперь чаще бывал в хорошем расположении духа. Иногда он вместе с женой ходил к Григорию в гости, желая лишний раз повидать Лизу. Никто не придавал значения таким переменам в поведении Матвея. Никто, кроме Лизы. Она понимала, в чём дело, чувствовала постоянно взгляд этого человека на себе, видела блеск в его чёрных глазах – и ей становилось страшно и тревожно за подругу. Лиза понимала, что Матвей потерял всякий интерес к своей жене, что Нюре теперь придётся несладко и натерпится она ещё от своего «Матвеюшки» – и от этого Лиза ещё больше ненавидела Матвея.

Григорий вернулся с работы немного раньше обычного. Лиза работала в огороде, маленький Павлуша был рядом с ней. Григорий спрыгнул с коня и привязал его к забору за двором. Затем обратился к жене:

– Лиза, бросай все дела, иди, причешись и переоденься – едем на речку, там гулянье. Сегодня Ивана Купала празднуют.

– Что ты надумал такое? – запротестовала Лиза, – я не собиралась никуда. Да и Павлушу куда мы денем?

– С пацаном мать побудет, а ты собирайся, не задерживай. Матвей с Нюркой уже, наверное, на реке.

– Нюра тоже поехала? – удивилась Лиза, но скорее тому, что ревнивый своенравный Матвей взял жену на гулянье, где вокруг будет столько молодёжи.

– Конечно, поехала, – ответил Григорий. – И уже, наверное, тебя заждалась. Бросай огород, никуда он не денется. А отдохнуть, как следует, уже давно пора.

Лиза вспомнила их с Нюрой девичьи гулянья – и у неё по коже пробежали лёгкие мурашки. Ведь это было совсем недавно, какие-то три-четыре года назад, а казалось, что это было в прошлой жизни, в какой-то далёкой, туманной, совсем не её, жизни. В памяти всплыли фрагменты воспоминаний – костры, молодёжь, дружно прыгающая через пламя, проникновенные песни, танцы босиком между костров, и река, вся усеянная венками из полевых цветов.

Ей захотелось вернуться в тот праздник и снова ощутить его. Даже голова закружилась. И Лиза сказала:

– А, чёрт с тобой. Поехали!

Она подхватила Павлика и понеслась в дом. Свекровь согласилась побыть с внуком, пока молодые повеселятся. Лиза умылась, ополоснула шею и руки, помыла ноги от пыли, переоделась в чистую, вышитую своими руками, рубашку с короткими рукавами и низким вырезом, стянутым тесьмой, причесала выбившиеся из причёски пряди волос. Покормила Павлушу, отдала его в руки свекрови и вышла во двор. Григорий уже сидел в седле.

– Ну, чего так долго? – нетерпеливо спросил он.

– Сына покормила, – ответила Лиза. Она краем глаза окинула своего мужа, пока с его помощью залазила на лошадь. На нём была чистая выглаженная рубаша; начищенные сапоги блестели, как бока самовара. Он был гладко выбрит и причёсан – ну точно, как жених.

«Красивый, должно быть, у меня муж» – подумала Лиза.

До реки было минут пятнадцать пешего хода. Григорий с Лизой домчали за минуту. Солнце стояло ещё высоко, но уже не палило, как днём, а ласково посылало свои лучи созревшим полям и лугам, которые в предвкушении вечерней свежести и ночной прохлады уже начинали источать свои самые разнообразные ароматы – запах пшеницы па полях, овощей и ягод в садах, ароматы полевых цветов и трав повсюду.

Всё это, вместе с быстрой ездой и свистящим в ушах ветром волновало кровь. Григорий спешил коня возле одной из компаний. К ним тут же подскочил непонятно откуда появившийся Матвей, взял у Григория поводья, и затем помог Лизе сойти с лошади. Лиза была возбуждена резкой сменой обстановки, и у неё было очень хорошее, даже слегка приподнятое настроение, поэтому она не возмутилась, когда Матвей, сняв её с лошади, на секунду задержал в своих объятиях, крепко сжимая за талию. Лиза даже поблагодарила его за помощь. Тут подбежала Нюра и крепко обняла Лизу.

– Как хорошо, что ты приехала, – обрадовалась она. – Без тебя веселье не то!

Подруги подбежали к накрытому на траве «столу», за ними поспешили и их мужья. Самогон лился рекой, со всех сторон горланили песни; некоторые гуляки переходили от одной компании к другой – сегодня все были свои, со всеми выпивали, всем наливали. Время от времени то с одной стороны, то с другой отправляли гонцов за пополнением запасов – за выпивкой и закуской. И так продолжалось весь день. Кто-то уже успел изрядно надраться и даже проспаться, и теперь продолжал веселье.

Уже солнце начало клониться к горизонту, озаряя всё кругом розовым сиянием. Вокруг стали разжигать большие праздничные костры. Предстоял следующий этап гулянья – прыжки через костёр. Водилось поверье, что во время прыжков через огонь сжигались накопившиеся за год болезни, обиды, злость, зависть – в общем, всё плохое – очищались и тело, и душа.

Лиза с Нюрой полулежали на траве, чуть поодаль от шума компании. Лиза смотрела на гуляющую молодёжь, на юных девушек, которые разрумянились от выпитого вина и праздничного возбуждения. Кто-то из них уже, возможно встретил свою половинку, а кто-то ещё только надеется на заветную встречу. Но, независимо от этого, и те, и другие сейчас будут спускаться на воду свои венки из цветов, потому что все они безумно хотят замуж.

Лиза вздохнула.

– Ты чего? – спросила её Нюра.

– Да так, вспомнилось былое, – ответила Лиза, глядя куда-то вдаль, где виднелся чернеющий в наступающих сумерках лес. – Вспомнились и наши с тобой песни и беззаботные танцы босиком вокруг костра, и река, вся усеянная венками, бережно сплетёнными дрожащими от волнения, юными руками – там были и наши с тобой надежды и ожидания, – Лиза глянула на подругу. – Боже мой, ведь это было так недавно. И вот сегодня мы опять на этом празднике, но уже – замужние женщины, и сегодня уже не будет наших веночков среди других. Мы уже свой выбор сделали.

– Да, – грустно протянула Нюра, – сделали.

Она машинально искала глазами мужа в гурьбе шумевших гуляк, но не нашла.

– Слушай, чего мы тут с тобой сидим? – внезапно спросила Нюра. – Все там гуляют, веселятся, а мы здесь, в стороне. – Она подскочила на ноги. – Нет, так не пойдёт. А ну, пошли, найдём своих мужей. Они, наверное, уже обыскались нас.

– Да уж, гляди, обыскались, – сказала Лиза, потягиваясь и поднимаясь с земли. – Уверена, они даже не заметили нашего отсутствия. Им весело. Гришке так уж точно.

Солнце уже ушло за горизонт. Но было ещё достаточно светло. Лиза видела девушек и парней, купающихся в реке, и ей самой страшно захотелось искупаться, освежиться в прохладной воде и смыть с себя дневную пыль и усталость.

– Айда, Нюрка, бежим, и мы искупнёмся, – Лиза лихо схватила подругу за руку и понеслась к реке.

Не останавливаясь, прямо в одежде, подруги ворвались в прохладную воду. Их разгорячённые тела обожгло холодом – аж дыхание перехватило. Девушки плескались, визжали и громко смеялись, наслаждаясь купанием.

Вдоволь наплескавшись, Лиза с Нюрой вышли на берег, прямо на себе отжали от воды юбки, задрав их выше колен, и взяв спереди в узел, как отжимают белье. Затем вернулись к

костру, чтобы обсохнуть. Возле огня сидели несколько человек, среди них был и Матвей. Он всё это время неотрывно следил своим хищным взглядом за женой и её подругой. А точнее, только за подругой, именно за Лизой. Он открыто, и не стесняясь, рассматривал сейчас все изгибы и округлости её тела, плотно облепленные мокрой одеждой, и в его жилах закипала кровь. Он с трудом сдерживал свои порывы, подхлестываемые огромным количеством выпитого спиртного – еле держал себя в руках, чтоб не наброситься на неё и не повалить прямо здесь. Остатки не затуманенного водкой разума говорили, что это невозможно – вокруг полно народу, а главное, здесь его жена.

«Жена... Да какое мне дело, что подумает жена?! – думал вконец опьяневший Матвей. – И какая она мне к чёрту жена? Тьфу... Женился по глупости, от скуки, и теперь живи с ней! Нет, вот моя женщина, – думал он, глядя на Лизу, – она мне нужна. Ну, ничего, когда-нибудь она будет моей. Рано или поздно, обязательно будет!»

– На кого это ты плюешь? – весело спросила его Нюра.

– Не важно, – сухо ответил Матвей.

Нюра посмотрела мужу в лицо, увидела его налитые кровью глаза и передёрнулась от страха. Она испугалась, решив, что Матвей, хватив лишнего, опять её приревновал.

– Матвейюшка, родной, ты чего? – заговорила она ласково, как с ребёнком. – Мы ведь просто купались, и всё.

– Отстань, – грубо сказал Матвей и отодвинул её в сторону, чтоб не загромождала ему вид на реку.

Он смотрел остановившимся взглядом на приближающуюся Лизу, и все мускулы его тела напряглись. Нюра расценила это по-своему, она решила, что Матвей высматривает в толпе купающейся молодёжи мнимого обидчика, к которому приревновал жену, поэтому она присела рядом с ним на траву, обняла за шею и прижалась лбом к его щеке.

– Матвейюшка, любимый, – снова ласково заговорила она, – мне никто кроме тебя не нужен, только ты один. Слышишь?

– Отстань, говорю, – снова оттолкнул её Матвей, но Нюра только крепче прижалась к мужу.

– Здорово, голубки, – весело сказала Лиза, подойдя к костру.

Матвей сжал челюсти, отчего на щеках задвигались желваки. Лиза стояла совсем близко, так что в свете костра были видны все прелести её полуприкрытого тела: мокрая тонкая блузка практически обнажила её полные груди и мягкие округлости плеч; юбка облегла упругую талию и крутые бедра, а заткнутый за пояс подол открывал округлые с ямочками колени её белоснежных ног. По лицу всё ещё струились капельки воды, а к шее прилипли несколько намокших завитков волос. Матвей отвел взгляд в сторону.

Уже совсем стемнело и только огромные высокие костры освещали берег. Праздник был в самом разгаре.

– Уже поздно, – сказала внезапно Лиза. – Мне надо домой, кормить Павлушу. Я ещё ни разу не оставляла его так надолго.

– Да не переживай, – отозвалась Нюра. – Мама покормит твоего Павлушу. Он ведь уже не грудной.

– Точно, уже второй год парню пошёл, – подхватил Матвей. – Сколько можно за мамкину сиську держаться? Скоро уже девок за сиськи будет хватать, а? – И он пошло скривился, пытаясь пошутить.

Лиза глянула на него сверху вниз, и в её взгляде читалось отвращение. Но пьяный Матвей этого не заметил.

– Нет, Нюрочка, он не сможет без меня уснуть. Будет ждать меня, плакать.

Лиза представила, как маленький Павлуша плачет без неё, и сердце её сжалось. Ей невыносимо захотелось вернуться домой и поскорее обнять своего сыночка.

– Где Гриша? – спросила она. – Я его давно не видела.

– Я тоже не видала, – сказала Нюра. – Матвей, где Гришка?

– Конечно, не видели. Ещё бы, – усмехнулся Матвей, – и не увидели бы. Он сегодня с другой компанией гуляет.

– Что ты несёшь? – не сдержалась Лиза. – С какой ещё компанией? Он ведь с нами был с самого начала.

– В том то и дело, что был поначалу. А потом увели его девки из соседнего села, – говорил Матвей, ехидно скалясь. – А вон и он, полюбуйся на своего муженька. Как он лихо гарцует на своей кобыле перед девицами. Точно жених на выданье.

Лиза увидела мужа, резвившегося в реке верхом на лошади в окружении нескольких девиц в мокрых нижних сорочках. Они были похожи на речных русалок, пляшущих вокруг её мужа, протягивающих к нему свои тонкие белые руки и как будто зовущих за собой. А он наклонялся с лошади то к одной, то к другой, и хватал их за руки, за талию, бесстыдно скользя руками по грудям и по бедрам визжащих и смеющихся девиц.

Лизе стало стыдно и противно от таких мужниных развлечений. Где-то глубоко кольнула ревность. Лиза поборолa стыд и направилась к резвящейся шумной компании. В конце концов, это был её муж, и он должен был отвезти её домой, а потом может катиться ко всем чертям и продолжать эту вакханалию.

Матвей понял, что такой шанс упускать нельзя, и как только Лиза вышла из освещенного огнём пространства и погрузилась во тьму, он вскочил на ноги и, шатаясь, поспешил за ней, буркнув Нюре:

– Пойду, опережу её, угомоню Гришку. Сиди, грейся, сейчас вернусь.

Лиза шла почти наощупь, вглядываясь ослеплёнными огнём глазами в темноту берега. Она надеялась, что это всё же не её муж развлекается сейчас с девицами, что Матвей ошибся. Но глаза уже немного привыкли к темноте, и Лиза различила вдалеке фигуру Гриши, свесившегося с лошади, к тому же до неё доносился его пьяный смех. Она изо всех сил вглядывалась в темноту, пытаясь разглядеть, чем он занимается. Лиза не заметила, как сзади кто-то быстрыми шагами подкрался к ней, и когда она обернулась, услышав за спиной шорох, кто-то с силой толкнул её в сторону. От сильного толчка Лиза потеряла равновесие и упала, ахнув.

– Кто здесь? – она попыталась встать.

Но нападавший навалился на неё и прижал к траве. Лиза хотела закричать, но ей на рот легла тяжелая мужская рука, а вторая рука стала торопливо шарить по её телу: по груди, по бедрам, по ногам. Кто-то, пыхтя и сопя на ней, пытался задрать ей юбку. Лиза испугалась, а под тяжестью мужского тела, придавившего её к земле, она стала задыхаться, к тому же рука, плотно лежавшая на её губах, практически закрывала ей и нос. Лиза стала отчаянно вырываться и отбиваться, пытаясь обеими руками отнять чужую руку от своего лица. На секунду высвободив рот, Лиза, задыхаясь, прохрипела:

– Не могу дышать. Отпусти.

Обидчик притормозил.

– Только не кричи. Я отпущу. – И он убрал руку с её лица.

Лиза была ошарашена и сбита с толку, услышав знакомый голос.

– Матвей?! Это ты?

– Да, я. Тише ты.

Весь страх Лизы мгновенно испарился, ему на смену пришли возмущение и гнев.

– Что ты делаешь? Чего тебе надо? – сказала она, тяжело дыша.

– А то ты не понимаешь? – сказал Матвей. – Тебя мне надо.

– Ты что, сдурел? А ну, слезь с меня, – Лиза толкнула его руками в грудь.

Матвей приподнялся над ней на локтях.

– Зачем? Разве ты не видишь, как влечёшь меня? Поманила, подразнила – а теперь на попятную?

– Ты не в себе, что ли? – изумилась Лиза. – Я манила? Да у меня муж есть, а у тебя жена.

– Да к чёрту жену! – плюнул Матвей. – Если тебя это волнует, то не бойся, она никогда не дознается.

И он жадно прильнул губами к её губам. Лизу обдало крепким спиртным перегаром, и её затрясло от отвращения. Она снова стала отбиваться от Матвея, а он, не обращая внимания на побои, целовал ее лицо, шею, грудь. Лиза не хотела кричать, чтобы не привлечь внимания посторонних, чтобы никто, не дай бог, не увидел её полураздетую под этим пьяным мерзавцем – это же такой позор! А тем более чтоб не увидели их Нюра с Гришей. Поэтому она просто отбивалась от Матвея и шипела ему всякие бранные слова, которые он, впрочем, и не слышал.

Потеряв всякую надежду вразумить Матвея, Лиза схватила его за волосы и сильно рванула от себя. Матвей даже взвыл от неожиданности и боли. Лиза воспользовалась секундной паузой и сказала ему прерывающимся от борьбы голосом:

– Если ты сейчас с меня не слезешь, я позову Гришу и ...

– И что? – Матвей скривил губы. – Что тогда? Гришу она позовёт. Дура, я ж люблю тебя. Давно люблю. Неужто не понимаешь? Как вижу тебя, так голова горит, руки дрожат, ничего делать не могу. Будто надвое распилили меня, и только рядом с тобой живу. А Гришка твой... Он не достоин тебя. Он гуляка и балагур. Ему бы девок побольше да водки ведро – вот это по его душе. А тебя он не ценит.

– Зато ты шибко ценишь, – сказала Лиза, отвернувшись в сторону от зловонного перегара. – Повалил на траву в потёмках, не спросивши позволения, чуть не оприходовал – вот тебе и всё уважение.

– Прости, – покаялся Матвей. – Не смог совладать с собой. Ты сегодня по-особенному хороша. Лучше всех. Ты такая... Ты одна такая. И только ты мне и нужна.

Матвей ослабил объятия. Лиза, воспользовавшись этим, резко высвободилась от него, встала на ноги, и стала поправлять на себе одежду.

– Придётся совладать, – сказала она сидящему на земле Матвею. – Мне от тебя ничего не надо. У меня есть муж, и мне этого довольно. Так что не приближайся ко мне, иначе в другой раз я всё расскажу мужу.

– А ты меня мужем не пугай, – сказал Матвей спокойно. – Он пустой, и сам по себе ничего не может.

– Это мы ещё посмотрим, – огрызнулась Лиза, – а про меня забудь. Не нужен ты мне.

Лиза повернулась к нему спиной и пошла к реке, где продолжал развлекаться её пьяный муж.

Матвей остался сидеть на траве. Неудовлетворенная страсть, остывая, причиняла телу боль, отравляла мозг яростью. Раскалённая энергия требовала выхода.

– Ничего, – прохрипел он вслед уходящей Лизе, – сама приползёшь, сука!

Он поднялся на ноги и пошел, почти не шатаясь, в сторону костра, к дереву, где был привязан его гнедой. Обернувшись, он увидел, как Гриша усадил Лизу к себе на коня и помчал её по берегу в сторону дома. Матвей нашел своего коня, отвязал его, вскочил верхом и подъехал к заждавшейся жене.

– Поехали, – прохрипел он Нюре и протянул ей руку.

Нюра ни секунды не колебалась, увидев сверкающие яростью глаза мужа. Она знала, что в такие минуты ему лучше не перечить. Она покорно уселась на коня перед Матвеем, и они понеслись домой сквозь ночь.

На следующий день Нюра делилась с Лизой:

– Вчера мы как вернулись домой, так Матвей меня прямо с ходу в спальню потащил. Уж не знаю, что с ним вчера случилось, а только он полночи не давал мне уснуть. Просто в последнее время он уставал на работе и редко звал меня. А вчера его как прорвало, видно, накопилось. Он у меня такой горячий, – говорила Нюра, стыдливо опуская светящиеся счастьем глаза.

Лиза радовалась за подругу, надеялась, что Матвей оставил дурные мысли и снова повернулся к жене, но тревога не покидала её. Лиза понимала, что доверчивая Нюра с её мягким беззлобным характером полностью во власти своего мужа, и только от его желания и прихоти зависит, сделает ли он её счастливой или превратит её жизнь в ад.

Лиза надеялась на лучшее. Но, к сожалению, больше не слышала она от Нюры восторга по поводу дальнейшей совместной жизни с Матвеем. Матвей резко переменялся к ней после той ночи. Нюра была в растерянности:

– Ничего не понимаю, – говорила она, вздыхая. – Я думала, что у нас всё наладилось. Ведь было всё хорошо. А оно совсем не так, а всё как раньше. Даже хуже. Матвей приходит домой злой, как чёрт, бесится, меня ругает. Стал часто напиваться. А как напьётся – то рвнует меня, то гонит из дому.

– Гад какой! – негодовала Лиза. – Что же делать? Давай скажем Грише, пусть он с ним поговорит.

– Ты что?! – испугалась Нюра. – Не вздумай ничего сказать Грише. И вообще никому не надо говорить. Матвей на самом деле не такой. Он просто вспыльчивый. Но это всё ничего. Всё наладится. Всё образуется.

– Да ничего не образуется, – Лиза никак не могла успокоиться. – Гриша – твой брат, и друг Матвея. Матвей должен его послушать.

– Ой, Лиза, – вздохнула Нюра, – да никого он не слушает. Ему никто не указ. А Гриша так и подавно. Не боится он никого.

Нюра отвернулась в окно, и солнечные лучи осветили её лицо. Лиза что-то увидела; она ещё сама не поняла, что именно, но что-то на лице подруги привлекло её внимание. Лиза придвинулась ближе и глянула на Нюру – теперь она ясно видела ссадину и кровоподтёк на скуле Нюры.

– Что это? – спросила Лиза, нахмурившись.

– Где? – Нюра не поняла, но потом проследила взгляд подруги и махнула рукой: – Да, не страшно. На днях ударилась о дверцу шкафа. Не заметила, что она была открыта.

Лизу не удовлетворил ответ Нюры. И тогда она спросила:

– Ты правду говоришь? Ты действительно сама ударилась? Или это Матвей?

– Нет, что ты?! – забеспокоилась Нюра. – Матвей меня и пальцем не трогает. Он шумит, ругается, но руки не распускает.

Нюра казалась спокойной, но Лиза всё равно до конца не поверила этой истории.

– Ладно, Лизонька, я пойду уже, – Нюра поднялась, – а то скоро Матвей вернётся с работы. Так я ужин ему согрею.

Нюра ушла, а Лизу не покидали тревога и сомнения. Она понимала, почему бесится Матвей, понимала, что это она, Лиза – причина ярости Матвея, его грубого и жестокого обращения с Нюрой. Лиза понимала, но не могла ничего рассказать подруге. Да и что она могла ей сказать: «Что, мол, твой муж мне проходу не давал, а когда получил от ворот поворот, взбесился и теперь вымещает зло на тебе»? Как такое можно сказать? Это убьёт Нюру. Вот и молчала Лиза. Молчала и кипела бессильной яростью и ненавистью к тирану-Матвею. А однажды не выдержала, решила поговорить с матерью, спросить совета:

– Мама, скажите мне, что делать? Ведь Матвей доконает Нюрку. Я думаю рассказать Грише, пусть они поговорят по-мужски. Всё-таки Гриша считает Матвея своим другом. Пускай Гриша надоумит его. Глядишь, и послушает.

– Вряд ли, – ответила дочери Поля. – В таких делах братья, родители – не указ. Он – её муж, она – жена. Они сами разберутся. Не надо никого сюда вмешивать. Во-первых, ты этим только навредишь Нюре, ведь она поделилась с тобой по секрету. А во-вторых, у Григория твоего всё равно не получится приструнить Матвея, потому что он пустой болтун, и больше ничего. А Матвей жёсткий, и не боится он Григория твоего. К тому же, друг, который встаёт на пути к желанной женщине, перестаёт быть другом, и становится досадной помехой. Помни об этом, и не своди огонь с водой.

Разговор с матерью не только не успокоил Лизу, но и поселил новые тревоги. Теперь Лиза беспокоилась вдвойне.

– Хоть бы он пропал где-нибудь, – думала она, – прости меня господи, грех такое говорить.

6.

Но скоро все эти волнения и тревоги показались Лизе такими далёкими и неважными в сравнении с известием, обрушившимся на неё осенью, и навсегда поселившим боль в её сердце. Беда пришла в её дом к Павлуше, к её единственному сыночку. У него обнаружилась водянка головного мозга, как опасалась повитуха Бышиха. Лиза не могла, не хотела поверить в случившееся.

– Как такое могло произойти? Как?! – кричала Лиза. – Почему это случилось со мной? Господи, чем я провинилась? За что?

Лиза прижимала к груди Павлушу и целовала его ручки, каждый пальчик. По её щекам текли горячие слёзы и капали на ручку Павлуше, а он сидел у матери на руках, заглядывал ей в лицо и улыбался своей светлой счастливой улыбкой. Он не знал того, что было ведомо его несчастной матери.

– Сыночек мой, – плакала Лиза, – почему это с нами случилось? Мой родной, радость моя, почему я должна буду расстаться с тобой? Я не хочу. Не хочу! Господи, пусть лучше я умру, а он живёт здоровый и счастливый.

Лиза знала, что детки с такой болезнью долго не живут.

– Господи, пусть это будет неправда, – умоляла Лиза, обращая свой взор в небо, – это какая-то страшная ошибка. Это не со мной. Такое могло произойти с кем угодно, только не со мной. Пусть это будет просто страшный сон. Вот я проснусь, и кошмар кончится. Ну, пожалуйста, господи.

Но Лиза не просыпалась, и кошмар не проходил. В этом кошмаре она теперь жила постоянно. Когда первый шок миновал, и Лиза понемногу сжилась с этой мыслью, она перестала постоянно плакать, не хотела тревожить малыша. Лиза, наоборот, старалась радовать его. Теперь она всё время была с ним рядом, нигде ни на секунду не оставляла Павлушу, всё время с ним разговаривала, что-то рассказывала ему, спрашивала, как будто он мог ей ответить. А он только слушал маму и улыбался. Её никто и ничто не интересовало, кроме Павлуши. Лиза жила им, она проживала каждую минуту, как последнюю, она буквально впитывала в себя каждое мгновение общения с сыном. Она говорила с ним и не могла наговориться, целовала его, и не было конца и края её нежности. Если вдруг, бывало, Павлуша заплачет посреди ночи, Лиза вскакивала, как ужаленная, брала сыночка на руки и убаюкивала; и могла потом полночи так просидеть, качая на руках своё милое дитя и перебирая в пальцах его белокурые шелковистые кудри.

Шло время. Прошла зима, наступила весна, с ней проснулись надежды. Лиза поняла, что беременна. Ужас, сковавший её душу в последнее время, немного отступил, дни посветлели, Лиза впустила в сердце надежду.

– Вот пройдет весна, потом лето, а осенью я рожу тебе сестрѐнку, – говорила Лиза Павлуше, гуляя с ним на улице под тѐплым весенним солнышком. – Слышишь, Павлуша? У тебя скоро будет сестричка.

Павлуша улыбался, как будто понимал, что ему говорят. Он не говорил и не ходил, потому что не мог держать большую тяжѐлую голову – из-за скапливающейся жидкости, не получавшей нужный отток, она росла быстрее и уже намного опережала по размерам тело. Лиза возила малыша в специальной коляске, которую смастерил Григорий. Коляска была очень удобная. Лиза хорошо приловчилась обращаться с ней. Она настолько привыкла к нестандартной фигуре своего ребѐнка, что уже и не замечала различий и отклонений в его развитии. Для неё он был обычным ребѐнком, самым нормальным, самым лучшим.

В ноябре Лиза родила дочку Раечку. Впервые за прошедший год Лиза снова была счастлива: у неё двое деток – сыночек и дочка!

Лиза пеленала маленькую Раечку и говорила с Павлушей, который сидел рядом в своей коляске:

– Видишь, какая у тебя красивая сестрѐнка? Ты – её старший братик, и ты будешь её защищать, правда?

Павлуша улыбнулся. Он всегда улыбался, когда слышал голос матери, обращѐнный к нему. Его светлая улыбка, казалось, озаряла всё вокруг.

– Вот мама запеленала дочечку, теперь оденет сыночка, и мы все вместе пойдѐм, погуляем, – говорила Лиза, одевая Павлушу, и закутывая его большую, как арбуз, голову в пуховый платок, – сходим в гости к бабушке Поле и деду Паше.

Павлуша заулыбался ещё шире. Он любил бывать в гостях у деда с бабушкой. Там всегда было шумно, весело, много детей. А ещё дед Павел брал внука на руки и высоко качал его, как на качелях, отчего Павлуша громко смеялся и захлѐбывался от восторга.

На Рождество Григорий принѐс из лесу ёлку и поставил в большой комнате, а Лиза с Нюрой нарядили её в самодельные игрушки и гирлянды. Павлуша был в восторге. Он полулежал в своей коляске возле ёлки и, не отрывая глаз, смотрел на неё, рассматривал яркие игрушки и ленты гирлянд. Лиза плакала от радости, видя счастливые глаза своего сына. Как ей хотелось сейчас, чтобы Павлуша встал со своей коляски, и они бы вместе плясали и хлопали в ладоши. Ведь это была первая праздничная ёлка в его жизни. И последняя. Весной Павлуши не стало. Он умер тихо. Казалось, будто ничто его не беспокоило. На его светлом личике так и застыла полуулыбка, словно он был в растерянности от того, что произошло.

Лиза была убита, раздавлена. Она не кричала и не рыдала. Она сидела день и ночь возле кровати своего сыночка и тихо плакала, и разговаривала с ним, снова целуя его ручки и пальчики, снова перебирая в пальцах белокурые завитки его волос, зная, что прощается навсегда. Но разве она могла расстаться со всем этим? Как же ей теперь дальше жить?

– Господи, что же ты наделал? – вдруг закричала Лиза. – Так неправильно. Так не должно быть! Как ты мог оставить меня жить после того, как забрал моего мальчика? Почему я не умерла вместе с ним?

Подбежали Поля и Дуня, мать Григория, подняли рыдающую Лизу и увели из комнаты. Лиза не сопротивлялась, на это уже не было сил. Она безвольно переступала ногами, уводимая матерью в другую комнату, и только повторяла сквозь рыдания:

– Верните мне моего сыночка. Я не хочу жить без него. Не хочу.

– Лиза, доченька, прошу тебя, не надо так говорить, – уговаривала мать, утирая слѐзы, – ведь у тебя есть теперь Раечка, не забывай. Ты ей нужна. Она плачет без тебя.

– Не уводите меня от Пашеньки, – просила Лиза. – Отпустите меня к моему сыночку.

– Нет, Лизонька, – говорила сквозь слёзы Поля. – Не надо тебе пока к Павлуше. Его надо переодеть. Ты ещё завтра к нему придёшь. А пока пойдём, тебе надо немного отдохнуть. А то ты совсем ослабла, трети сутки не спишь.

Мать напоила Лизу отварами и лекарствами, и под утро Лиза забылась тяжёлым сном, но уже через два часа она опять проснулась и пошла в комнату, где уже всё было готово к сегодняшнему дню. На самом пороге комнаты её остановила и вернула обратно мать:

– Не ходи туда. Не надо пока туда ходить. Сегодня предстоит очень трудный день, – говорила Поля тихо. – Но его надо пережить. Надо найти в себе силы и пережить это.

Её глаза наполнились слезами, но Поля сделала невероятное усилие и сдержала слёзы, проглотила колючий ком, больно сжимавший горло. Сейчас её дочери нужна была поддержка, а не слёзы. Поля обняла дочь за плечи и усадила на кровать.

– Я помогу тебе одеться, а потом заварю побольше отвара, чтобы на весь день хватило.

Поля одела дочь в чёрное платье и повязала на голову чёрную кружевную ленту. Затем приготовила крепкий отвар и дала дочери целый стакан. Лиза выпила горькое зелье и почувствовала небольшое облегчение – тело расслабилось и обмякло, разум слегка затуманился, как от снотворного. И весь последующий день прошёл, словно в тумане. Лиза ужасно боялась этого дня. Она не хотела, чтобы он наступал. Но страшный день настал.

К ней всё утро приходили люди, знакомые и незнакомые, говорили какие-то бессмысленные слова, плакали, обнимали её. И все были в траурных одеждах.

«О боже, сколько их ещё?» – думала Лиза, измученная их бесполезным сочувствием, ведь никакие слова не могли поправить случившееся. Лиза сидела на табурете возле маленького гробика и безучастно принимала соболезнования. Казалось, вся Осиновка пришла сегодня выразить сочувствие бедной Лизе. А Лиза хотела только одного: чтобы всё это поскорее закончилось, чтобы они все ушли и оставили её наедине со своим горем. Но люди всё продолжали идти. Перед Лизой мелькали разные лица. Затем провал. Темнота. Сознание вернулось к ней уже на кладбище, но ненадолго. Лиза вообще плохо помнит события этого дня – лишь отдельными вспышками, когда ослабевало действие трав, и тогда раздирающая боль всей силой наваливалась на неё. Тогда Лиза выпивала очередную порцию зелья. И сидела бледная и недвижимая, как статуя.

Вечером, когда всё было кончено, и все люди, наконец, ушли из их дома, Лиза, измученная и смертельно уставшая, ушла в спальню, чтобы прилечь ненадолго, согреться – её знобило. Она забылась тяжёлым глубоким сном, а наутро уже не смогла встать с постели. Лиза слегла. Она лежала в горячке две недели, практически не приходя в сознание. Она бредила и металась в постели, всё время порываясь куда-то бежать: то звала Павлушу, то садилась в кровати с открытыми глазами и что-то бессвязно бормотала. Возле её постели всё время кто-то дежурил: Поля или Нюра, иногда Григорий с матерью. Маленькая Раечка, которой было всего пять месяцев, находилась пока у Поли с Павлом: там много детей – было кому присмотреть за маленькой девочкой, пока её мама тяжело болела.

На двенадцатый день Лиза затихла. Поля плакала, Григорий ходил чернее тучи. В доме повисла напряжённая тишина, готовились к самому худшему. А Лиза в это время была далеко отсюда. Она бредила, и в бреду видела Павлушу, живого и здорового. Лиза хотела подбежать к нему и обнять, но не могла двинуться с места, ноги будто вросли в землю. Тогда она протянула к нему руки и позвала:

– Сыночек мой, иди ко мне. Не бойся, это я. Я пришла к тебе, и теперь буду с тобой всегда. Ничего не бойся, мой родной, мама рядом.

Вдруг Павлуша ей ответил:

– Нет, мамочка, тебе нельзя со мной. Тебе ещё рано.

Лиза заплакала, как ребёнок:

– Сыночек, ты говоришь? Ты ведь никогда не умел говорить. А теперь у тебя так хорошо получается. Поговори со мной ещё. Я хочу снова услышать твой голосок. Я хочу слушать его всегда. Мне так хорошо с тобой. Я останусь здесь, буду всегда рядом.

– Нет, мамочка, нельзя, – снова сказал Павлуша. – Не теперь. Сейчас ты нужна там.

– А как же ты? Ведь ты же ещё совсем маленький. Как ты здесь один будешь? Кто о тебе позаботится?

– Не беспокойся, за мной присмотрят. Я здесь не один. Нас много таких. А ты заботься о маленькой Раечке, и об остальных детках. Они ещё такие маленькие.

– Но у меня нет других деток, кроме Раечки, – удивилась Лиза.

– Пока нет, но скоро будут. И ты нужна им. А я буду ждать тебя здесь. Мы обязательно встретимся.

– Ты говоришь совсем как взрослый, – улыбнулась Лиза. – Но как же мне жить без тебя? Я так измучилась. И так устала. А здесь так хорошо, и так спокойно.

– Мамочка, мне пора. И тебе тоже.

– Нет! – Лиза хотела крикнуть, но голос пропал. Она хотела броситься за Павлушей, но тело не слушалось. Маленький Павлуша повернулся спиной и ушёл, растаяв в тумане, а Лиза из последних сил рванулась, чтобы бежать за ним, и очнулась. Она открыла глаза и увидела, что находится дома, в своей постели. Рядом сидит Поля, видимо, задремав от усталости. Лиза еле слышно позвала:

– Мама, – голос не слушался её, в горле пересохло. Лиза позвала ещё раз, чуть громче: – Мама.

Поля дёрнулась, проснувшись, и огляделась, потом посмотрела на дочь. Лиза смотрела на мать.

Поля бросилась к ней, плача и целуя её:

– Лизонька, ты вернулась. Слава богу! Отмолила. Доченька моя, слава богу. Теперь всё будет хорошо.

7.

Лиза выздоравливала долго. Она очень ослабла за время болезни, и сейчас постепенно восстанавливала силы. О своём общении с умершим Павлушей Лиза никому не рассказала. Она боялась, что её станут убеждать в том, что это было всего лишь видение в лихорадочном бреде. А для неё всё было совсем иначе. Для Лизы эти воспоминания были слишком дороги; она верила, что действительно побывала там, рядом со своим сыночком, что видела его, говорила с ним. А значит, он не умер совсем, навсегда. Значит, он где-то есть – и это главное. Потому что тогда, Лиза верила, они обязательно встретятся ещё. И она не хотела, чтобы люди своими страхами и суевериями, пустыми и бессмысленными речами разрушили тот призрак надежды, который, едва обозначившись, затаился глубоко в её сердце, и помогал Лизе выздоравливать и дальше жить. Каждый вечер она засыпала в надежде снова увидеть во сне Павлушу, она призывала его образ, но Павлуша не снился ей.

Лизе было очень тяжело. Она страшно тосковала. Особенно трудно было в первые месяцы. Её не спасало даже присутствие рядом маленькой Раечки, в которой она души не чаяла и очень о ней переживала, поскольку Раечка часто болела, и вообще была очень слабым ребёнком.

Днём Лиза полностью погружалась в заботы о дочери, в работу по дому и в огороде. Не щадила сил, старалась вымотать себя за день, и вечером, сражённая усталостью, падала на постель – и в тот же миг засыпала. Потому что, если только случалось, не брал сразу сон, то тогда полной силой наваливалась на неё тоска и скорбь, разрывая грудь. В эти моменты Лиза готова была бежать, не останавливаясь, куда угодно, лишь бы убежать от этой боли, которая стучала в висках, в ушах, в пульсе – во всём теле. Тогда Лиза хватала подушку, забивалась

в угол комнаты, подальше от кроватей мужа и дочери, и, кусая подушку, чтобы не кричать, тихонько выла. Там и находил её утром Григорий, – скорчившуюся в углу на холодном полу, обняв подушку, заснувшую, в конце концов, где-то к середине ночи.

На сороковой день Лиза снова видела во сне Павлушу. Он стоял в лучах яркого света и молча улыбался ей. Лиза, не отрываясь, смотрела на него. Слёзы застилали ей глаза, текли по щекам, но она не вытирала их, боялась пошевелиться, чтобы видение не исчезло. Так она и проснулась в слезах.

А на поминках соседская бабушка Оря сказала Лизе, когда та взяла в руки яблоко, чтобы подкрепиться немного:

– Положи яблочко, детка. Тебе теперь нельзя есть яблочки до Спаса. Не то, когда там всем деткам будут раздавать яблочки на праздники, твоему дитятку не достанется. Женщинам, похоронившим деток в младенчестве, разрешается только раз в году есть яблоки – на праздник Спаса.

С тех пор Лиза забыла вкус яблок, которые так любила. Она ревностно и верно хранила обет Павлуше.

8.

Осенью, незадолго до первого дня рождения Раечки, Лиза обнаружила, что снова беременна. Это была первая радостная новость за долгие полгода траура. Лиза немного ожила, впереди снова забрезжил слабый свет надежды. Лиза очень хотела, надеялась снова родить мальчика. Она вскоре даже имя для него приготовила – Сашенька. Но следующим летом, в июне 1923 года, точно в срок Лиза родила девочку. Так что в семье Григория и Лизы Суботиных было уже две дочери – Рая и Шурочка.

Жизнь продолжалась. Прошло больше года после смерти Павлуши, Лиза сняла траур. Со временем рана в сердце немного затянулась, самую малость – просто боль слегка притупилась, и слёзы не душили каждый день. Лиза была благодарна своим маленьким девочкам за то, что они понемногу отвлекали её от горестных мыслей и помогали дальше жить. Лиза была полностью поглощена мыслями и заботами о своих детях. Григорий, которому она уделяла всё меньше внимания, был и рад тому, что Лиза больше не плачет каждый день, но и обижался на недостаток внимания.

– Что тебе не нравится? – спрашивала удивлённо Лиза. – В доме прибрано, постирано, еда приготовлена. Что ещё надо? Ты лучше посмотри, какие у нас чудесные девочки!

И Лиза сажала ему на колени двухлетнюю Раю, и сама с Шурочкой на руках присаживалась рядышком.

Глава 3.

1.

Нюра всё свободное время проводила в отчем доме, постоянно была возле Лизы и племянниц. Мужу она объясняла, что помогает Лизе с детьми, поддерживает подругу морально.

– Нюра, – спросила как-то Лиза, когда они вместе купали Раю с Шурочкой, – скажи, почему ты из дому бежишь? Тебя Матвей обижает? Как у вас вообще отношения складываются?

– Да никак не складываются, – со вздохом ответила Нюра. – Уже давно. Твоя правда, бегу из дому, потому как не вмоготу мне там находиться. Опостылело всё. Живём с Матвеем, как два чужих человека. Целый день хожу из угла в угол, как медведь по клетке, жду: вот придёт, поговорит, приголубит. А он – и слова доброго не скажет, злится, пьёт почти каждый день, а как напьётся, так вообще жизни никакой не даёт. Так другой раз и убила бы. Лишь изредка бывают просветления – так человек человеком, и нежный, и любящий. Вот тогда я снова узнаю того своего Матвея.

– А руки он не распускает? – строго спросила Лиза.

– Ой, Лиза, не спрашивай, – Нюра отвернулась. – Давай лучше не будем о нём. Я бегу к вам, потому что здесь с вами душой отдыхаю; на девочек твоих налюбоваться не могу, люблю их до смерти – они же мне почти как дочки. Ты только не ревнуй.

– Да что за глупости, – Лиза обняла Нюру и поцеловала в щёку. – Когда ты со мной, так мне же легче – и рукам моим, и душе. Ты ж мне роднее родной, ты – сестра моя, Нюрочка.

– Лизонька, спасибо тебе, родная, – Нюра тоже обняла Лизу, и подружки, крепко обнявшись, расплакались на груди друг у друга, каждая о своём, о наболевшем. Вместе со слезами выходили накопленные обиды, боль, страдания, и пустоту в сердцах постепенно заполняло чувство облегчения и успокоения. Вскоре сёстры затихли, и теперь молчали, лишь иногда вздыхая, благодарные друг другу за этот порыв, за эти взаимные очищающие слёзы, как целебный бальзам пролившиеся на их искалеченные души.

– Ну что, – наконец нарушила тишину Лиза, – давай закончим купать наших ангелочков?

Лиза взяла на руки Шурочку, а Нюра потянулась за кувшином с теплой водой. Она закатала повыше рукава, чтоб не намочить их, и Лиза увидела на её руке, чуть повыше локтя, синий кровоподтёк.

– А это что? – спросила Лиза. – Опять о шкаф ударились?

– Нет, в этот раз не о шкаф. – Нюра опустила взгляд. Потом спокойно добавила: – О дверной косяк. Голова закружилась, вот и качнуло.

– Хорошо же тебя качнуло, – Лиза снова нахмурила брови. – Это Матвей? Скажи мне! Его рук дело?

– Ой, да не выдумывай, – Нюра пыталась казаться беззаботной. – Просто ударились, и всё.

– Да нет, – вздохнула Лиза, – не просто ты ударились. Я чувствую, я же вижу – он бьёт тебя. И давно бьёт. А ты молчишь, покрываешь его. Глупая. Ну, гад, мерзавец, получишь ты сполна!

– Что ты надумала? – испугалась Нюра.

– Ничего, – ответила Лиза. – Раз ты не хочешь вмешивать сюда Гришу, значит, я сама поговорю с твоим Матвеем.

– Что?! – Нюра в ужасе посмотрела на Лизу. – Ты что, подруга? Никак, сдурела, жить тебе надоело? Не вздумай, прошу тебя. Будет только хуже, и тебе и мне. Я прошу тебя, Лиза, пообещай мне, что ты не будешь этого делать. Выброси это из головы.

– И не подумаю даже. – Лиза стояла на своём. – Мою подругу, мою сестру избивает муж-сволочь, а я и сказать ничего не могу?

– Да не бьёт меня Матвей. Успокойся. – Нюра вздохнула. – Ну, бывает иногда по пьянке, за руку схватит или в плечо двинет. Ничего страшного. Вон, многие так живут, а то и ещё похуже.

– Да куда уж хуже?! – Лиза покачала головой. – Постоянно в синяках ходишь. Летом на речке даже ног своих не показывала, боялась, что я синяки твои увижу, да?

Нюра молчала. Она сидела с грустной улыбкой на лице, и смотрела на Лизу, но взгляд словно скользил мимо Лизы, её мысли были далеко отсюда.

– Почему ты не уйдешь от него? – внезапный вопрос вывел Нюру из задумчивости. – Ведь уже давно ясно, что ничего путного у вас не выйдет. Сколько же можно терпеть-то?

– Да просто люблю я его, вот и всё, – сказала Нюра.

– Любишь? За что? – Лиза широко раскрыла глаза. – За что можно любить этого нелюдя? Что хорошего ты от него видела? Пьяная рожа, вечный перегар, грубость и побои – разве за это любят?

– А за что любят, Лизонька? И вообще, разве любят «за что-то»? Вот скажи, за что ты любишь Гришу? За что конкретно? Молчишь? То-то и оно. Любят не за что, а потому что. Просто любят. Даже если он оказывается не совсем такой, каким казался сначала.

Лиза слушала Нюру и молчала. Но не потому что была с ней согласна. Просто она не могла сказать Нюре, что не любит её брата, и никогда не любила. Не могла вслух высказать свои подозрения, что это их с Григорием мать приворожила Лизу, и что, возможно, по этой причине с их Павлушей случилось такое несчастье. Лиза не могла причинить Нюре ещё и такую боль, поэтому просто молчала. Подруги молча сидели, погружённые в свои мысли. Шурочка уже давно спала у Лизы на руках, а двухлетняя Раечка засыпала возле Нюры, положив свою головку ей на колени. Лиза по инерции всё ещё покачивалась взад-вперёд, продолжая убаюкивать крепко спавшую Шурочку, а свободной рукой перебирала тёмные курчавые волосы Раечки, как когда-то делала это Павлуше.

Вдруг Лиза услышала какой-то шум в сенях, и через мгновение в комнату ворвались четырнадцатилетний брат Лизы – Витя, и одиннадцатилетняя сестра Нюрка, запыхавшиеся от быстрого бега.

– Тише вы, окайнные. Девочек разбудите, – шикнула на них Лиза. – Что случилось?

Витя перевёл дыхание и сказал срывающимся голосом:

– Отцу плохо. Сердце.

Лиза побледнела, резко вскочила. Шурочка дёрнулась во сне, и Лиза прижала её к груди, так и застыв на месте.

– Лиза, скорее, чего ты стоишь? – зашептал Витя. – Надо ехать за фельдшером, а у нас, кроме меня, матери и Любки, никто больше не умеет лошадью управлять. Но мама осталась возле отца, а меня одного отпускать не хочет, потому как темно на дворе. А эта дура Любка побоялась. Вот я и прибежал за тобой. Ехать надо.

– Да, да, скорее, – заторопилась Лиза.

Она положила Шурочку в люльку, и уже на выходе обернулась и попросила Нюру посидеть с девочками, пока Гриша не вернётся домой: что-то он загулял сегодня допоздна, и именно тогда, когда нужен дома.

Лиза набросила пальто и пуховый платок, обула галоши прямо на чулки и бросилась следом за братом и сестрой.

– Что произошло? Почему отцу стало плохо? – спрашивала Лиза на бегу. – И где Костя?

– Костя еще неделю назад уехал на заработки, – ответил Витя, – а отец...

– Слушай, – перебила брата Нюрка. – Папа пришёл с работы, как обычно, всё в порядке. Ничего не болело. Сел ужинать, поел, а когда вставал из-за стола, ноги у него подкосились, лицо побелело, и он упал, держась рукой за грудь, – протараторила Нюрка, совсем как взрослая, слово в слово повторяя мамин рассказ.

– Уже пришла тётка Бышиха, но мама на неё не надеется, – сказал Витя, – вот и послала нас за тобой и за доктором.

Лиза вбежала в родной двор. Сердце защемило от тоски: теперь уже не она здесь хозяйничает вместе с матерью и младшими сёстрами. Она теперь в другом доме хозяйка. Да и хозяйка ли? Ах, почему не послушалась тогда отца? Почему дала себя окрутить? Лучше бы лишний год пожила дома, у мамы с папой под надёжным крылом. Да что там год? Хоть бы полгода, пару месяцев... Лиза особенно остро ощущала эту тоску именно сейчас, когда приходила сюда гостьей. Хоть и бывала часто, и ждали её здесь всегда с нетерпением, но Лиза понимала, что молодая жизнь её, беззаботная и счастливая, осталась в прошлом, здесь, в тот день, когда решила выйти за Григория. Она теперь замужняя женщина, мать, она теперь должна заботиться о своих детях, о своей семье. Теперь она заняла такое же положение, как и мать, на плечах которой такая огромная семья и хозяйство, а главное, непреходящее и никогда не прекращающееся беспокойство о своих детях. И если, не дай бог, с папой что-то случится... Лиза даже мысли такой не хотела допустить. Что тогда будет с мамой и всеми её двенадцатью детьми, которые останутся на ней? Что будет с ней, с самой Лизой? Нет, такого не должно произойти! Ведь она, Лиза, несмотря на то, что жила отдельно, всё равно, все эти годы ощущала поддержку и заботу любящего отца. И она не могла лишиться этой поддержки, не хотела, потому что отец всегда был и оставался её главной опорой в жизни.

Лиза вытерла слёзы, бежавшие по щекам, когда вбежала в дом. Посреди комнаты, прямо на полу, полулежал бледный отец, ему под спину и голову подоткнули одеяло, а рядом сидела мать и чем-то поила его.

– Папа! – Лиза бросилась к отцу. – Папочка, родненький, не волнуйтесь, всё будет хорошо. – Лиза глотала слёзы и старалась улыбаться. – Вы держитесь, я скоро! Я сейчас врача привезу. А вы держитесь, ладно?

– Поторопитесь, – сказала Поля. – Пусть Витя едет с тобой. Скорее.

Лиза с Витей выбежали на улицу, прыгнули в телегу, которую уже вывезли за ворота младшие братья, и помчались за врачом. На дорогах лежала грязь попеременно со снегом. Было начало декабря, морозы ещё не ударили, поэтому колёса телеги буксовали в грязи, ехать было нелегко. Но Лиза лихо управлялась с лошадьми, она стояла в телеге, широко расставив ноги для равновесия, и смыкала за вожжи, подбадривая и подгоняя лошадей криками: «Но! Но!». Платок сбился с её головы на шею, коса растрепалась на ветру, глаза горели под сдвинутыми бровями – Лиза была похожа не воинствующую амазонку, преследующую врага. Она гнала лошадей во весь опор, объезжая ямы и грязь, выезжала на обочину; кричала прохожим, попадающимся на пути: «Осторожно! В сторону!», но ни на секунду не сбавляла скорость. Витя вцепился руками в борта телеги, и с восхищением глядел на старшую сестру.

Наконец, они приехали к дому врача, который, по счастью, оказался дома. Лиза объяснила, что с отцом, и попросила срочно поехать с ними. Врач, захватив пальто и свой чемоданчик, вышел вслед за Лизой на улицу, где в телеге их ждал Витя. Врач сел с краю, свесив ноги, но Витя, вцепившись в борта, сказал ему:

– Вам лучше держаться крепче.

Врач посмотрел на побелевшие от напряжения пальцы мальчика, быстро сообразил, что к чему, и залез глубже в телегу, одной рукой сжав чемоданчик, а другой крепко вцепившись в борт телеги, в то время как Лиза уже развернула их «экипаж» и набирала скорость по полуосвещённым улицам. Её сейчас занимала одна мысль: «Скорее добраться до дома. Успеть!»

2.

Сердечный приступ у Павла, по счастью, миновал. Врач своевременно оказал ему помощь. Но предынфарктное состояние – не шутка. Врач предупредил, что Павлу следует беречь своё сердце, что этот приступ был лишь предупреждением.

Лиза отвезла фельдшера домой и вернулась обратно. Она прошла в спальню к родителям. Отца уже перетащили на кровать, и он лежал там, в окружении дочерей, которые сновали туда-сюда, что-то приносили, что-то уносили. У постели отца сидела мать. Лиза глянула на них, и сердце её сжалось: вот сидят два самых близких и родных ей человека (не считая дочек). Как же они оба ей дороги, как она их любит! А главное, как они любят друг друга! Удивительно, что, прожив столько лет вместе, нарожав кучу детей, они продолжают, тем не менее, любить и уважать друг друга.

Как жаль, думала Лиза, что в её жизни так и не случилось большой любви. За шесть лет она, конечно, привыкла к мужу. Но она никогда его не любила. Она даже не могла его уважать, поскольку терпеть не могла пьющих, гулящих, ленивых мужчин, а именно таким и был её Григорий. Лиза же хотела видеть возле себя мужчину, похожего на её отца – сильного, трудолюбивого, властного, и вместе с тем доброго и любящего. Вот такого она бы смогла полюбить.

Лиза смахнула слезу со щеки и подошла к отцу, присела рядом и уткнулась лицом в его плечо. Павел открыл глаза, повернул голову и улыбнулся дочери:

– А ты у меня молодец. Витя рассказал, как ты чуть не угробила нашего фельдшера. – Отец усмехнулся в усы. – Твой брат до сих пор никак прийти в себя не может, говорит, колени всё ещё дрожат. Вон гляди, собрал возле себя ватагу малышни и рассказывает им про тебя.

Лиза посмотрела в соседнюю комнату, где была детская спальня, и увидела Витю в окружении пятерых младших братьев и сестёр, которые с открытыми ртами и с восхищением слушали рассказ старшего брата. А Витя аж захлёбывался от гордости, что был там, рядом с Лизой и ни капельки не боялся, когда их телега кренилась набок на резких поворотах, или подсакивала на ухабах и ямах, рискуя слететь с колес. Лиза улыбнулась и повернулась снова к отцу.

– Это пустяки, – сказала она. – Главное, что с вами всё хорошо. Просто мы очень испугались за вас, папа.

– Спасибо тебе, дочка. Я всегда знал, что ты – моя главная надежда и опора, знал, что ты не подведёшь. А сейчас иди, отдохай, ты измоталась за этот вечер.

Лиза вернулась домой уже за полночь. Все в доме спали, кроме свекрови Дуни. Она сидела на кухне и дремала, ожидая Лизу с вестями. Скрипнула дверь, и Дуня очнулась от дремоты.

– Ну, что там? Как дела у твоих? – спросила она Лизу, как только та вошла в дом.

– Да всё в порядке уже, – ответила Лиза. – У отца был сердечный приступ, но мы с Витей привезли врача, и теперь с папой всё нормально. А где Гриша? Почему он не пришёл за мной?

Дуня махнула рукой и с досадой сказала:

– Не пришёл, потому что спит твой Гриша. Еле приполз, уже ближе к ночи. Наверное, с этим, с Матвеем опять напился. Хоть бы ты с ним поговорила? Что же он себе думает? Разве можно так пить безбожно?

Лиза вздохнула.

– Да что я ему скажу? Уже столько всего говорила. Так разве ж он меня послушает? Да ещё этот Матвей его с толку сбивает.

– Чтоб ему пропасть, гаду червивому! – плюнула в ответ свекровь. – Нюрочку мою так изводит. Сам гуляет, кобель, а её ревнует ко всем без разбору. Так обижает её, что она вся исхудала за эти годы. Где он только взялся на погибель нашу?

– Да, мама, я знаю всё, – ответила Лиза. – Я ей всё время говорю: «Уйди ты от него, до добра это не доведёт». А она отвечает, что любит его, и не бросит. Надеется, что всё ещё наладится.

– Да что там наладится? С таким зверем добра не будет. Погубит он её.

Лиза глянула на свекровь. Та сидела за столом, опершись щекой на кулак, а другой рукой перебирала бахрому на скатерти. Лиза впервые за эти годы посмотрела на неё без вражды и

обида, посмотрела, как мать, и увидела несчастную женщину, которая всего лишь хотела добра своим детям. Лиза увидела, почувствовала боль и страдания этой женщины, и ей стало жаль свекрови, жаль по-человечески.

Лиза встала и пошла в спальню, еле передвигая ноги от усталости. В спальне храпел Григорий, спяну даже не раздевшийся. Лиза подошла к детской кроватке, где, приоткрыв ротки, спали её маленькие дочки, погладила их курчавые головки, поправила одеяльце и присела на свою кровать. Собрав в себе остатки сил, она переоделась в ночную рубашку и легла на край кровати, толкнув Гришку, чтоб перестал храпеть. Тот хрюкнул, заплямкал во сне и перевернулся на бок, затих на время. Лиза прикрыла глаза и в ту же секунду провалилась в сон.

3.

Прошла суровая зима 1924 года, затем и весна. Наступило жаркое лето. 23 июня Шурочке исполнился годик. Однажды тёплым летним вечером Лиза, как обычно, гуляла с дочерьми во дворе дома, качала девочек на качелях, которые для них смастерил Григорий. Скрипнула калитка, и во двор вошла Нюра, вся светясь от радости. Лиза поднялась ей навстречу. Нюра подбежала к подруге, обняла её, затем расцеловала девочек, и снова обняла Лизу.

– Ты чего, Нюрка? – удивилась Лиза. – Что с тобой? Ты здорова?

– Лизонька, я так тебя люблю! И тебя, и твоих девочек, – говорила Нюра, сияя от счастья. – Я сначала сама ничего не поняла, потом думала, что ошиблась. А теперь знаю, что нет, не ошиблась я. До сих пор не верю, что это правда.

Нюра перевела дыхание. Лиза во все глаза смотрела на неё.

– Лиза, у меня будет ребёночек! – воскликнула Нюра, смеясь и плача одновременно. – Я буду мамой! Я уже всякую надежду потеряла, я уже верить перестала, думала, что со мной этого никогда не произойдёт. А тут, через столько лет, такая радость!

– Нюрочка, как я счастлива! – Лиза радовалась вместе с подругой. – Радость-то какая! Представляешь, будем вместе растить детей.

– Да, наши детки будут расти вместе, в школу ходить вместе, а потом нарожают нам внуков. Я теперь только об этом и думаю всё время.

– А Матвей уже знает? – спросила Лиза.

– Нет, ещё никто не знает. Боюсь сглазить. Я только тебе одной и сказала, не могла в себе всю радость удержать. Пусть ещё немного времени пройдёт, чтоб закрепилось. Тогда и расскажем всем. Ладно?

– Как скажешь, подруженька, – согласилась Лиза.

Несколько дней молодые женщины ходили загадочные, улыбались всё время и шептались между собой. А потом как-то вечером прибежала Нюра, босиком, вся растрёпанная, с перепуганными глазами.

– Что случилось? – испугалась Лиза.

– Еле вырвалась от Матвея, – переводя дыхание, сказала Нюра. – Вроде, всё нормально было, пришёл домой трезвый, покормила его. Потом чёй-то нехорошо мне стало, я побежала в уборную. Возвращаюсь, а он в дверях стоит. Как схватит меня за волосы, да как швырнёт о косяк дверной. Еле увернулась, чтоб лицо сберечь. Я ничего не поняла, пыталась успокоить его, уговаривала. А он наступает на меня с бешеными глазами. Я думала, и убьёт. Но удалось вырваться.

Лиза встала, сжав кулаки.

– Так, всё, я иду к Матвею, и всё ему, наконец, скажу.

– Да что ты ему скажешь? – Нюра бессильно развела руками, но уже не возражала так настойчиво, как раньше.

– Скажу, какая он сволочь, если сам не догадывается, – процедила сквозь зубы Лиза. – И скажу ему о твоём положении.

– Да, я так до сих пор и не порадовала его новостью. Хотела сюрприз сделать.

– А я вовсе не собираюсь его радовать. Обойдёмся без сюрпризов. Это для того, чтоб тебя защитить. Может, он, хоть зная о твоём положении, перестанет тебя изводить?

Уже в дверях Лизе встретилась свекровь.

– Что произошло? Ты куда? – спросила она, увидев решительный вид Лизы.

– Нюра вам сама всё расскажет, – бросила она через плечо. – Она в нашей комнате. Когда вернётся Гришка, пусть сразу идёт к Матвею.

Лиза ускорила шаг. Ей не терпелось поскорее добраться до него и плюнуть ему в лицо. Она не боялась Матвея. Наоборот, сейчас *он* должен был её бояться.

Лиза нашла Матвея на пороге его дома. Он стоял, опершись плечом о дверь, и спокойно курил. Увидев Лизу, он даже не сдвинулся с места.

– Матвей, я к тебе, – сказала Лиза, остановившись прямо перед ним.

– И тебе добрый вечер, родственница, – как ни в чём не бывало, произнёс Матвей.

– Я не желала тебе доброго вечера, – Лиза приподняла бровь. – Я пришла поговорить с тобой.

– Ну что ж, тогда проходи.

Матвей отодвинулся в сторону, освободив Лизе проход в дом. Лиза немного помедлила, сомневаясь, надо ли заходить внутрь.

– Ну, чего не заходишь? – спросил Матвей. – Или ты боишься?

Лиза гордо подняла голову, и смело шагнула внутрь, задев плечом Матвея. Он вошёл следом, закрыв за собой дверь. Лиза прошла в комнату и остановилась. Она обернулась и увидела Матвея – он стоял в дверях и не сводил с неё глаз, как хищник со своей добычи. У Лизы в голове промелькнула мысль, что зря она всё-таки зашла в дом – на улице ей было бы спокойнее и безопаснее. Но было уже поздно отступать, и тогда она сказала:

– Матвей, я пришла поговорить с тобой о Нюре.

– Вот это новость, – усмехнулся он. – Что же ты можешь сказать мне о моей жене?

Лиза сделала шаг вперёд и продолжала:

– Я требую, чтобы ты перестал её изводить. А главное, бить.

Матвей изменился в лице.

– Это она тебе наговорила всякую чушь?

– Нет, она не говорила этого никогда. Но я знаю, что это так. Я вижу постоянно синяки и ссадины на её теле. И я тебя предупреждаю...

– Требую, предупреждаю... – передразнил Матвей. – А тебе не кажется, что ты лезешь не в своё дело?

– Нет, не кажется, – спокойно ответила Лиза. – Нюра – моя подруга и сестра. Мне не всё равно, *что* с ней происходит. И я не позволю...

– Ладно, хватит! – опять перебил её Матвей. – Я думаю, ты не затем сюда пришла.

Он отстранился от двери и вошёл в комнату. Лиза машинально сделала шаг назад. Матвей криво улыбнулся. Казалось, его забавляла вся эта ситуация. Он продолжал наступать, а Лиза отступала назад, пока не упёрлась спиной в стену. Матвей подошел к ней совсем близко, и Лиза выставила вперёд обе руки.

– Уйди, Матвей.

– С чего бы это? – усмехнулся он. – Сама пришла ко мне, а теперь гонишь?

– Уйди, не то закричу.

Матвей рассмеялся.

– Кричи, кто тебя услышит? Ты у меня дома.

Он взял её вытянутые вперёд руки и сжал их. Лиза сопротивлялась, но силы были неравные.

– Матвей, перестань. Нюра...

– Да сколько можно уже: Нюра, Нюра?! – Матвей начал терять терпение. – Хватит уже о ней. В моей жизни есть только одна женщина – это ты. И ты это знаешь. Я тебе говорил уже, и повторяю: не могу я без тебя. И хватит уже ломаться.

Матвей развёл её руки в стороны, и, преодолев сопротивление, прижал Лизу к себе. Лиза затрепыхалась, как бабочка в паутине, пытаясь вырваться. Матвей приблизил к ней свое лицо. Глаза его горели жадным блеском.

– Я пытался забыть тебя, не думать о тебе. Но всё напрасно. Я люблю тебя, Лиза. Слышишь? Будь со мной, я прошу тебя. Бросай своего Гришку, забирай детей, и уедем отсюда вместе. Ты тоже полюбишь меня. Позволь мне увезти тебя.

Лиза продолжала вырываться, но Матвей крепко сжал её подбородок рукой и прильнул к её губам. Им овладевала страсть. Он целовал её губы, шею, волосы. Лиза грубо оттолкнула Матвея и сказала, глядя ему прямо в глаза:

– Я никогда с тобой не уйду. Я ненавижу тебя за то, что ты издеваешься над моей сестрой. Особенно сейчас, когда она в таком положении...

Матвей отстранился от Лизы и переспросил:

– В каком положении?

– В таком! Нюра ждёт от тебя ребёнка. Ты скоро станешь отцом.

Матвей даже бровью не повёл.

– Это ничего не меняет. Я хочу жить только с тобой.

– Я тебе уже говорила: этому не бывать никогда!

Лиза высвободилась от Матвея и поспешила к выходу. А он произнёс ей вслед:

– Ну что ж, не хочешь по-хорошему, ладно. Но будешь моей всё равно.

Лиза остановилась и обернулась. Матвей стоял посреди комнаты, широко расставив ноги, и смотрел исподлобья, сверкая чёрными глазами.

– Если хочешь, чтоб я твою Нюрку не колотил, значит, будешь со мной.

– Что?! – Лиза не верила своим ушам. – Что ты сказал?

– Что слышала, – процедил сквозь зубы Матвей. – Прямо сейчас, соглашайся, и я больше пальцем её не трону.

– Нет, ты не посмеешь. – Лиза побледнела от ужаса. – Ну, ты и сволочь. Я всем расскажу о тебе! Если только с ней что-нибудь случится... Нет, я не допущу, чтобы ты с ней что-то сделал. Я просто не отпущу её больше сюда. Она будет жить с нами, в отчем доме.

– Ничего у тебя не получится. Твоя подруга-дура любит меня, и ты не сможешь удержать её дома возле себя. Я попрошу у неё прощения, и она тут же прибежит обратно.

Лиза от бессилия кусала губы.

– Это подло. Даже для тебя, Матвей. Для тебя нет ничего святого. – Лиза не могла подобрать нужных слов, и решила воззвать к его совести и разуму: – Матвей, я прошу тебя, если в тебе осталась хоть капля человеческого, пожалей Нюру. Ей нельзя сейчас волноваться. Срок ещё очень мал. Ты же хотел детей. Ведь хотел же? А теперь уже недолго осталось. Ты скоро станешь отцом.

Лиза медленно подошла к Матвею, глядя ему в глаза, и положила руку ему на плечо, по-приятельски, совсем по-доброму. Такой резкий переход сбил Матвея с толку и немного охладил его пыл. Он не ожидал такой смены в поведении Лизы, поэтому не знал, как ему реагировать. Он отвернул лицо в сторону и хрипло сказал:

– Уходи.

– Матвей... – начала, было, Лиза, но он перебил её и повторил настойчиво:

– Ничего не говори. Просто уходи.

Лиза вышла, оставив Матвея стоять посреди комнаты. Она вернулась домой, где её с нетерпением и тревогой ждала Нюра.

– Ну, что там? – спросила она, поднявшись навстречу Лизе, как только та вошла в комнату.

– Твоему Матвею надо время, чтобы свыкнуться с новостью, – стараясь выглядеть спокойной, ответила Лиза. – Я думаю, тебе лучше какое-то время пожить здесь, у нас.

Нюра сникла. Она так надеялась, что новость о предстоящем отцовстве обрадует и переменит Матвея, но теперь видела, что это совсем не так.

На следующий день Матвей пришёл за Нюрой, как ни в чём не бывало, и забрал её домой. Нюра потом рассказывала Лизе, что Матвей всё-таки смягчился, перестал пить каждый день, ругать и ревновать Нюру, и вообще стал к ней более внимательный. Нюра радовалась и боялась Матвея одновременно. Боялась отказать ему, когда ночами он не давал ей уснуть. Поэтому почти каждый день недосыпала и уставала.

– Нюра, ты рискуешь потерять ребёнка, – встревожено говорила ей Лиза. – Ладно, Матвей не понимает. Что с него взять? Но ты-то знаешь, что нехорошо так часто беспокоить будущего малыша. Ты что, не можешь сказать Матвею: «Нет»?

– Да разве ответишь моему Матвею «Нет»? – вздыхала Нюра. – Разве откажешь, когда он требует, а то и вовсе не спрашивает? Мне и самой это сейчас в тягость, даже больно. Но что я могу поделать?

Лиза бессильно разводила руками и только вздыхала в ответ. Она тревожилась за Нюру. И не напрасно. Потому что очень скоро Нюра почувствовала себя совсем плохо. У неё открылось кровотечение. Нюру забрали в больницу, где у неё случился выкидыш.

Это было большим потрясением для всех. А для Нюры это было подобно смерти. Она долго плакала. Совсем замкнулась в себе. Первое время вообще не показывалась на улице. Ей казалось, что все смотрят на неё и показывают пальцами. Никакие уговоры матери и Лизы не действовали на Нюру. Она сломалась. Ничего не хотела, никуда не ходила, осунулась и похудела ещё больше. Лиза каждый день навещала её, уговаривала, что не всё потеряно, что Нюра ещё обязательно забеременеет и родит. Лиза не оставляла несчастную Нюру одну, наедине с её горестными мыслями, старалась ободрить её, вернуть к жизни. И её старания не прошли даром. Нюра стала понемногу приходить в себя, стала снова реагировать на людей. А ближе к зиме начала выходить на улицу.

Матвей был как никогда внимателен к жене. Может, пожалел её, а может, сказался разговор с Григорием – тот упрекнул Матвея, что он не бережёт Нюру, что она заметно сдала в последнее время; что он, как старший брат, вмешивается, чтоб заступиться за сестру, которой сейчас очень тяжело.

– Да чего ты, Гришаня? Я люблю Нюрку и не причиню ей вреда, – отговаривался Матвей. – У нас с ней просто характеры разные. Она спокойная, тихая. Не то, что я. Да мы с ней всё уладим. Можешь не волноваться. Не станем же мы с тобой ругаться из-за баб, правда?

Матвей хлопнул Григория по плечу, улыбаясь по-приятельски. И они сели за стол выпить мировую.

– Да, ты это верно подметил, – говорил Григорий, закусывая самогон солёным огурцом и хлебом с луком, – Нюрка наша – тихоня. И хозяйка она добрая. Вон, гляди, как в доме у тебя всё прибрано. Она постаралась?

– Она, она, – кивал в ответ Матвей, наливая очередную стопку.

– Вот и береги её. Где ты ещё такую жену найдёшь? И хозяйка, и послушная, и верная, так ведь? – Гриша, довольный собой, решил, что он очень хорошо всё уладил.

– Так, так, всё верно, – поддакивал ему Матвей, сверкая исподлюбья своими чёрными глазами.

Если бы Григорий увидел сейчас взгляд Матвея, он бы понял, что ничего он здесь не уладил, и что ему самому следовало бы остерегаться этого человека. Но он считал Матвея своим другом, и был убеждён, что Матвей думает так же.

4.

В конце весны Лиза принесла в дом радостную новость – она снова была беременна. А к середине осени её мать Поля тоже ждала очередного пополнения.

Шел 1925-й год. Уже три года прошло с тех пор, как Лиза похоронила своего сына Павлушу. Она давно уже не носила траур; сейчас она была матерью двух дочерей, и к зиме ожидала рождение третьего ребёнка. Её сердце было переполнено любовью к своим детям. Но рана в душе от пережитой потери не заживала. Боль притупилась и не причиняла уже столько страданий, но не отпускала совсем. А иногда накатывала полной силой, и тогда Лиза чувствовала себя невыносимо одинокой в целом мире, даже находясь среди близких и дорогих людей. В такие моменты Лиза бежала на кладбище к могилке своего сыночка, и, упав лицом на цветы у изголовья, обняв маленькую гробничку, она горько и громко плакала, долго, пока не отпустит и не полегчает хоть немного. Потом сядет у могилки и разговаривает с Павлушей, будто он рядом сидит и слушает. Наплачется, наговорится, потом попросится и уходит обратно к живым, к заботам и тревогам о своей семье, и снова окунается в бурлящие будни.

Не забывала Лиза и про отца с матерью, навещала их и братьев-сестёр младших. Особенно любила она большие праздники. Тогда в доме отца собиралась вся семья: приходила она с Гришей и детьми, приходили и младшие Ольга и Саша с семьями и детьми, и самый старший из всех – Николай, которому было уже за тридцать, но он всё ещё не был женат. Дом звенел от гомона детворы. Внуки и маленькие дети Павла и Поли смешивались в одну общую ватагу – душ двенадцать, и куролесили в доме, во дворе – везде. Тут и там был слышен топот детских ножек и гомон детских голосов. А старшие готовили угощение и накрывали большой стол. Когда всё было готово, всё многочисленное семейство садилось за праздничный стол, и праздновало до позднего вечера. Пили, ели, пели песни, веселились. Уже и дети нагуляются, устанут; придут к своим матерям и обсыдут их как котят кошку, а самые маленькие заберутся на руки и так и засыпают под общие разговоры да песни.

На такие праздничные застолья Лиза обязательно звала с собой и Нюру – Гришину сестру. Нюра с большой охотой и радостью ходила вместе с Лизой в гости в семью Пахоменко.

– Ты знаешь, в твоём доме среди твоей родни я чувствую себя тоже частью вашей семьи, я ощущаю себя живой, – как-то сказала Нюра Лизе. – Мне у вас так хорошо, так тепло и уютно в твоей семье. Мне так этого не хватает в последние годы. Я сижу дома как затворница, никуда не хожу, никому не нужна.

– Да брось ты, Нюра, – возражала Лиза, – как это, не нужна? Ты очень нужна, мне нужна, всем нам. Тебя все любят.

– Ты счастливая, Лизонька, – как будто не слыша её, продолжала Нюра. – Несмотря на беды, постигшие тебя, всё равно ты счастливая. У тебя такая вот большая дружная семья, любящий муж и дети. Я очень за тебя рада. Потому что рядом с тобой и я тоже счастлива. А теперь, когда ты снова носишь ребёнка, я как будто ношу вместе с тобой. Я ведь теперь знаю, как это – носить в себе ребёнка. Хоть и недолго, но я ведь тоже побыла будущей мамой. И то были самые счастливые дни в моей жизни...

5.

По осени собрали урожай, и в октябре сыграли очередную свадьбу – Павел Пахоменко выдал замуж восемнадцатилетнюю Катерину. Старшая же Любка, которой летом исполнилось двадцать, все ещё оставалась в девках. Той же осенью Дуня Суботина женила младшего сына Сергея. Уж и правда, урожайная выдалась осень.

В конце октября, вскоре после отшумевших свадеб, Поля Пахоменко родила дочь. Назвали Марусей. Лиза была возле матери, помогала тётке Бышихе, и ухаживала за роженицей. Ей самой оставалось донашивать не более двух месяцев. Большой круглый живот уже еле помещался в её просторной одежде, а кофточка туго обтянула талию – пуговицы на ней чуть не выскакивали из петелек, натягиваясь на полной налившейся груди и упругом животе.

Когда всё закончилось, и умытая, туго запелёнанная Маруся, наевшись, уснула под грудью матери, Лиза собралась, наконец, домой. Она очень устала – ноги гудели, ныла спина – и сейчас хотелось поскорее добраться до постели и отдохнуть. Лиза поцеловала мать и новорожденную Марусю, попрощалась с отцом и остальными домочадцами, набросила пальто и платок, и вышла на свежий вечерний воздух. Ноги еле несли её домой. Но надо было ещё заглянуть на минуту к Нюре, попросить её завтра днём побыть с девочками – Раечка приболела, свекрови одной не справиться, а Лизе надо было хоть на полдня уйти к матери, помочь, пока отец на работе, а дети в школе.

До дома оставалось совсем немного, так хотелось поскорее туда добраться, но Лиза свернула направо, в улицу, ведущую к дому Матвея и Нюры.

Вечерело. Тёмные сумерки уже опускались на землю, смывая краски дня и окутывая всё вокруг туманной серой пеленой. В каком-то дворе лаяла собака, а из соседних дворов ей вторили другие псы. В окнах домов светились тусклые огоньки лампад и лучин, и более яркие огни от керосиновых ламп. Из труб домов струились ленты белого дыма, сообщая о том, что здесь топят печи, и, несмотря на холод и непогоду на улице, внутри тепло и уютно. Дневная суета улеглась, и ей на смену пришла вечерняя тишина и неспешность. Лишь где-то скрипнет калитка, или послышится топот лошадей, несущих своих хозяев с работы домой. Или издалека, из-за реки донесётся глухой стук колёс о рельсы: долгий, непрекращающийся – значит, товарняк; если быстрее смолкнет эхо – значит, пассажирский.

Стук колёс поездов, такой манящий, зовущий. В нём слышится голос неизвестности, чего-то нового и неизведанного.

«Куда едут все эти люди? Кто и что их ждёт там, куда они направляются, – думала Лиза. – Счастливы ли они? Улыбаются ли, радуются или печаль одолевает их?»

Лизу отвлёк от её мыслей лошадиный топот позади. Она обернулась, чтобы посмотреть, далеко ли ещё всадник, и только успела отпрыгнуть в сторону, как он промчался мимо, даже не свернув ни сантиметра в сторону, и не притормозив. Если бы Лиза помедлила хоть секунду, лошадь сбила бы её. Лиза еле устояла на ногах, едва не потеряв равновесие, и погрозила кулаком в спину удаляющемуся лихачу. Он показался ей знакомым. Вдруг её осенило: «Это же Матвей. О господи, неужели что-то случилось?»

Лиза прибавила шаг. От быстрой ходьбы она задыхалась, было тяжело идти. Вот уже показался в сгущавшихся сумерках высокий дом Матвея, в окнах горел свет. Лиза забеспокоилась ещё больше, когда вошла во двор и увидела взмыленную лошадь, наспех привязанную возле ворот. Именно эта лошадь чуть не покалечила её пять минут назад. Лиза поспешила в дом. Вдруг она услышала какой-то шум, затем крик Нюры, и глухие удары. Лиза вбежала в комнату и чуть не упала от увиденного: Нюра лежала на полу, извиваясь и крича, а над ней стоял, шатаясь, пьяный Матвей, и, выкрикивая гадости, избивал её.

– Матвей, пожалуйста, не надо, – плакала Нюра, пытаясь закрыть руками голову.

– Ах, ты ещё живая, сука? – ревел он и бил её ногами в живот. – Как же ты мне осточертела! Вечно скулишь и ноешь. Не могла мне даже дитя родить! Ну, так сдохни!

Нюра закричала, схватившись руками за его сапог. Тогда Матвей размахнулся кулаком. Но тут он застыл на месте, пошатнулся и через секунду рухнул возле Нюры, громко стукнувшись головой об пол. Нюра глянула вверх и увидела Лизу, стоявшую с широко раскрытыми глазами на бледном лице, и с чугунной сковородой в руках.

– Спасибо тебе, – простонала Нюра.

– Да не за что, – ответила Лиза, выйдя из ступора, и отбросила в сторону сковороду. Затем нагнулась, чтобы помочь подруге подняться. – Я бы сделала это ещё раз с огромным удовольствием. Но ему, кажется, уже хватило.

Она перевернула Матвея на бок, чтобы высвободить Нюру.

– Тяжёлый, гад. Давай руку, вставай потихоньку.

Нюра со стоном поднялась с пола. Каждое движение причиняло боль. Всё тело ныло, из носа и губы текла кровь, голова ужасно болела.

– Слушай, а ты его, часом, не убила? – спросила Нюра, глядя на окровавленную голову Матвея.

– А хоть бы и так, поделом ему. Никто и не заплачет. Он, сволочь, чуть не угробил тебя, – выругалась Лиза и плюнула на неподвижно лежащего Матвея. Пойдём отсюда скорее, тебе нельзя больше здесь оставаться, – сказала Лиза и взяла Нюру за руку.

Нюра поднялась и со стоном опустилась обратно.

– Осторожно, – подхватила её Лиза. – Давай, я помогу тебе.

Нюра, опершись на её руку, кривясь от боли, потихоньку выбралась на улицу. Там она опустилась без сил на крыльцо.

– Всё, не могу больше, – сказала она.

– Ничего, ничего, – приговаривала Лиза. – Посиди минутку, а я пригоню телегу из сарая.

Лиза оставила Нюру на крыльце, а сама пошла, отвязала лошадь, отвела её к сараю и впрягла в телегу. Затем настелила туда соломы и подвела лошадь с телегой к дому. Нюра сидела там, прислонившись к перилам, и плакала.

– Всё правильно. Ты поплачь, родная, – сказала Лиза, – слёзы успокоят, с ними и боль немного отойдёт. Давай, я помогу тебе забраться в телегу. Осторожно. Вот так. Ты плачь, плачь сколько надо. А я пока отвезу тебя домой. Тебе здесь не место.

Лиза привезла Нюру домой. Нюра, опершись на руку подруги, вошла в родной дом. На пороге их встретила Дуня: она услышала скрип колёс во дворе и вышла навстречу. Увидев дочь в таком ужасном состоянии, она ахнула и бросилась к Нюре, но та её остановила жестом:

– Всё в порядке, мама. Не волнуйтесь. Я просто оступилась в погребе и упала со ступенек. – Её губы скривились в страдальческой улыбке.

Мать подхватила Нюру и повела её в дом.

– Где Гриша? – спросила Лиза.

– Только что вернулся. В сарае коня распрягает, – ответила Дуня.

Лиза нашла Григория в сарае.

– Я сейчас привезла Нюру. Её до полусмерти избил Матвей, – сказала Лиза мужу. – Но я сейчас о другом. Тебе надо съездить туда, посмотреть, что с Матвеем. Я его, кажись, угрохала. Сковородка больно тяжёлая попалась.

– Не понял, – сказал Григорий, удивлённо глядя на Лизу. – Ты чего, шутишь, что ли?

– Это не шутка. – Лиза сдвинула брови. – Яхватила его сковородой по темечку. Езжай, погляди.

– Ты соображаешь, что говоришь?! – закричал Григорий. – Зачем ты это сделала?

– А ты не понимаешь? Совсем дурак? – не сдержалась Лиза. – Он чуть не убил твою сестру. Она там сейчас вся в крови и синяках, а ты говоришь: «Зачем?». Да если б моя воля, его б давно уже не было среди живых. Он страшный человек. Только тебе одному этого не видно. Носишься с ним, как дурень с писаной торбой, дружишь. А он при первом же случае переступит через тебя.

– Да я о тебе волнуюсь, дура, – взволнованно сказал Григорий. – Ты представляешь, что будет, если ты и правда его убила?

– Вот езжай и посмотри, а тогда и представлять будем.

Григорий сел на коня и ускакал. Через минуту он уже был у дома Матвея. В окнах мерцал свет, дверь дома была настежь отворена. Григорий спешил, прошёл двор, заглянул в дом.

– Матвей! – позвал он громко. – Матвей! Эй, есть кто?

Тишина. Григорий вошёл внутрь. Ни звука. Он прошёл сени, вошёл в комнату. Здесь был полный беспорядок: перевёрнутые стулья, скомканные коврики. А посреди комнаты лежал лицом вниз Матвей. Григорий похолодел от ужаса.

«Неужели убила?! Вот дура баба! Чёрт бы их всех побрал», – чертыхался про себя Григорий. Он наклонился к Матвею и увидел у того на затылке запёкшуюся кровь на волосах.

– Ну, всё. Это конец, – произнёс он вслух. – Что ж теперь будет?

Он потянулся руками к Матвею – хотел перевернуть его, но тут Матвей громко захрапел. Григорий от неожиданности отдернул руку.

– Вот чёрт, балагур, – он нервно засмеялся, вытер пот со лба и облегчённо вздохнул. – Я тут уже не знаю, что мне и думать, а он спит. Ты слышишь, Матвей?

Тот только протяжно захрапел в ответ.

– Ну, раз так, значит, живой, всё в порядке. Ладно, отсыпайся до утра, – сказал Григорий. – Глядишь, может, и не вспомнишь, почему голова пополам.

Григорий поднялся, чтобы уходить, но тут увидел чуть поодаль на полу сковороду, которую бросила Лиза. Он поднял её и отнёс обратно в кухню. Затем погасил керосинку и вышел, прикрыв за собой дверь.

Дома ждали новостей. Нюру мать с Лизой умыли, переодели и уложили отдыхать. Когда Григорий вернулся, Нюра уже засыпала, но, услышав голос брата, позвала из комнаты. Встать она не могла – всё тело болело, и кружилась голова. Григорий прошёл сразу к ней, следом вошла Лиза. Ничто не выдавало в ней беспокойства, – только складка между бровей и плотно сжатые губы говорили о том, что она напряжена.

– Ну, что там, Гриша? – тихо спросила Нюра, приподняв голову.

– Всё в порядке, жив Матвей, – успокоил Григорий сестру. Лиза облегчённо вздохнула у него за спиной. Григорий повернулся к ней и обнял жену.

– Ну, вы даёте, бабы, – засмеялся он, – такого борова положить! Я захожу, смотрю, лежит. Ну, всё, думаю, уколошили. Зову, он молчит. Башка в крови. Я к нему – хотел посмотреть, дышит или нет, а он как захрапит. Я чуть не свалился от неожиданности.

– Да, я представляю, какая для него неожиданность случилась. – Лиза смеялась сквозь слёзы. Шок прошёл, и она стала отходить от нервного потрясения.

– Я думаю, он ничего не понял, – сказала Нюра. – Просто не успел сообразить, что с ним произошло. Он ведь не видел Лизу.

– Будем надеяться, что это так, – ответил Григорий. – Ладно, а теперь всем отдыхать, уже ночь на дворе.

Лиза поцеловала Нюру и вышла вслед за мужем. Войдя в спальню, она, обессиленная, присела на кровать. Григорий зажёл лампаду, в комнате посветлело. Лиза встала и подошла к кроваткам дочерей. Попробовала губами лобик Раечки – температура уже не поднималась. Болезнь отступала.

– Слава богу, Раечка выздоравливает, – сказала Лиза шёпотом. Она поцеловала Раю, затем Шурочку, и снова села на кровать. Григорий уже лёг в постель.

– Что ты собираешься теперь делать? – спросила Лиза. – Нюре нельзя туда возвращаться. Надеюсь, ты теперь и сам это понимаешь?

– Понимаю, – буркнул Григорий и повернулся на спину, подложив под голову руку. – Нюра останется здесь.

– А Матвей? Что ты ему скажешь?

– Ничего не скажу. Просто не отпущу больше Нюрку туда, и всё!

Лиза легла рядом и обняла мужа.

– Наконец, ты говоришь, как настоящий мужчина. Наконец-то перестал перед ним ползать.

– Я и не ползал перед ним, – ответил Григорий, – просто считал своим другом. Не хотел, наверное, верить, что он – законченный подлец. Хотя, если разобраться, многие мужья поколачивают своих баб. Это тебе со мной повезло. Да?

Григорий повернул голову и поцеловал жену.

– Да уж, повезло, – вздохнула Лиза. – Но ты всё равно, не ходи больше с этим Матвеем. До добра это не доведёт.

– Ладно, ладно. Сам не хочу. Других друзей нет, но и таких не надо. Спи, давай.

И он погасил лампаду.

На следующий день Матвей пришёл к Григорию:

– Где моя жена? Она не ночевала дома или утром ушла?

– А ты разве ничего не помнишь?

«– Хорошо же тебя вчера Лизка шарахнула», – усмехнулся про себя Григорий.

– Выйдем, Матвей, нам надо с тобой потолковать, – сказал Григорий и вышел на двор.

Матвей нехотя вышел следом. Лиза бросилась к двери и стала слушать.

– Матвей, – начал Григорий, – Нюра к тебе больше не вернётся.

– Не понял, – сказал Матвей. – Объясни-ка, а то я вчера малость перебрал, голова до сих пор трещит, да ещё вчера упал, башкой стукнулся. И вообще, слабо соображаю. Чего ты сейчас сказал?

– Я сказал, – спокойно повторил Григорий, – что Нюра останется здесь. Ты вчера избил её до полусмерти.

– Не может быть, – Матвей взялся за затылок и скривился от боли.

– Очень даже может. Я знаю, что ты и раньше её бил, но то, что случилось вчера, это уже чересчур. Она еле от тебя выбралась, чуть не померла. Ты бы видел её вчера.

– Не верю. Где она? – Матвей двинулся в сторону двери.

Лиза похолодела от ужаса. Неужели Григорий отступит и разрешит ему забрать Нюру? Лиза уже приготовилась ответить Матвею, но тут Григорий преградил ему путь в дом, встав перед дверью.

– Что это значит, Гриша? – Матвей терял терпение.

– А то и значит, – спокойно, но твёрдо продолжал Григорий. – Я не отпускаю Нюру обратно к тебе. И тебя не пущу к ней. Ты её чуть не угробил. И нечего тебе на неё смотреть.

Матвей остолбенел. Его лицо перекосило от гнева.

– Ты понимаешь, что ты сейчас говоришь, дружище?

– Я понимаю. И тебе я не дружище. Жаль, что раньше этого не понял.

– Ах, вот ты значит, как заговорил?! – Матвей отступил на шаг и усмехнулся. – Значит, увёл у меня одну бабу, теперь жену забираешь? Ладно, проживу и без неё. Но ты, сука, не прав. Тебе это ещё отзовётся. – И он повернул к выходу.

– Давай, давай, проваливай, – сказал Григорий, развернулся и вошёл обратно в дом.

Лиза бросилась ему на шею.

– Ой, Гриша, беспокойно мне. Не простит он тебе этого. Ты будь осторожен.

– Ладно тебе каркать! – раздражённо сказал Григорий. – И про какую это он бабу говорил? Кого я у него увёл?...

6.

Нюра выздоравливала очень медленно. Синяки и ссадины уже давно прошли, а она всё ещё почти не вставала. Часто кружилась голова, болел, никак не проходил, живот. Больше всего припало ему. Но, самое главное, после случившегося Нюра совсем сникла, завяла, как

цветочек. Ещё не зажила в душе рана после прервавшейся беременности, а тут снова навалилось такое потрясение – услышать от любимого мужчины такие страшные слова, увидеть его перекошенное ненавистью лицо, узнать, наконец, что он не любит и никогда не любил. И она не выдержала, сломалась окончательно.

Она так и жила в доме матери, вместе с Гришей и Лизой. Наконец-то, она была под защитой близких и родных, теперь её никто не обидит.

– Ничего, всё обойдётся, вот увидишь, – говорила ей Лиза. – Вот поправишься, забудутся старые обиды, и заживём тогда одной большой дружной семьёй. Ты только выздоравливай скорее.

Лиза старалась окружить любимую подругу заботой и теплом, занять её мысли чем угодно, лишь бы отвлечь от горестных дум и тяжких воспоминаний. Всё время разговаривала с ней, не оставляла одну. Но она видела и понимала, что Нюра уже не та, что была раньше. Её ничто не радовало, ничего не интересовало. Она была молчалива и подавлена. Она могла целый день просидеть у окна, глядя на улицу. В глубине души, несмотря на все обиды, нанесённые ей, Нюра надеялась, что Матвей вернётся за ней. Но он не приходил. Он уже и думать о ней забыл.

В середине декабря Лиза родила Верочку. И это событие внесло в дом Суботиных радость и оживление. Даже Нюра, глядя на маленькое беспомощное дитя, улыбалась горькой улыбкой, радуясь за Лизу и понимая, что самой ей так и не судилось испытать счастья материнства.

Зимой Нюра заболела. Она была очень слаба, и не могла справиться с болезнью. Нюра таяла и угасала на глазах. У неё не осталось сил, ни физических, ни душевных, чтобы бороться. Врачи разводили руками, лекарства не помогали.

Лиза плакала, не в силах ничем помочь подруге. Григорий ругал себя за то, что не забрал сестру от Матвея раньше, когда было ещё не поздно. Свекровь дни и ночи проводила у постели дочери, молясь о её выздоровлении. Никто не говорил об этом вслух, но все понимали, чувствовали, что чуда не произойдёт. Нюра таяла, как свечка, жизнь угасала в ней с каждым днём. Бедняжка ждала и желала одного: чтобы пришёл её Матвей, чтобы повинился и сказал, что сожалеет обо всех обидах, нанесённых ей, просил, чтобы простила, и сказал, что по-прежнему любит.

– Хоть бы увидеть его перед смертью, – сказала как-то Нюра слабым голосом, когда рядом была Лиза. – Хотя бы разочек, хоть на минутку. Только увидеть, да за руку поддержать.

В начале весны Нюра умерла, так и не дождавшись Матвея. Лиза очень сильно горевала, чувствуя, что волей-неволей явилась причиной смерти подруги, потому что, сама того не желая, все эти годы стояла между нею и ненавистным Матвеем. Лиза корила себя за то, что ещё раньше не уговорила Григория забрать сестру из того проклятого дома, где Нюрочка пережила столько горестных и тяжёлых моментов и была так несчастна. И, несмотря на всё, она, глупая, продолжала все эти годы любить своего Матвеюшку, этого душегуба и монстра в человеческом облике.

Врачи сказали, что умерла Нюра от воспаления лёгких. Но Лиза знала, что это Матвей погубил её.

Время шло, а Лиза всё больше тосковала о Нюре. Лиза осиротела. Не стало её единственной близкой подруги, родной души. Не с кем было теперь поделиться своими радостями и горестями, самым сокровенным. Не с кем поговорить, посмеяться и поплакать. Лиза была подавлена.

А через полгода очередное несчастье обрушилось на семью Лизы. Осенью у её отца, Павла Пахоменко, случился обширный инфаркт. Лиза снова ездила за врачом, но до его приезда Павел не дожил. Сердце не выдержало. Поля овдовела, оставшись одна с двенадцатью

детьми на руках. Самой старшей, Любке было двадцать два года, а самой младшей Марусе только годик.

Туго теперь приходилось семье Поли без кормильца. Старшие дети, конечно, работали, и это позволяло их семье прокормиться. Но без отца, без главной опоры, всё теперь стало по-другому.

Лиза тоже целыми днями работала – в доме, в огороде. Лишившись поддержки со стороны отца, ей теперь приходилось рассчитывать только на себя; на Гришку надежды было мало. Поэтому Лиза и за огородом ухаживала, чтоб урожай потом на зиму заготовить; и одежду девочкам сама шила – новой не накупишься – а материи, слава богу, было вдоволь: из приданого много осталось, да новой запаслись. В общем, ежедневная круговерть, некогда голову в гору поднять.

Бывало, зовёт Григорий жену на гулянье:

– Лизка, оставь дела, с детьми мать посидит, поехали, погуляем.

А Лиза ворчит:

– Тебе лишь бы гулять. Работы, дел столько, а ему хоть бы что! Помог бы лучше.

– Да куда твоя работа от тебя не денется. Брось всё, поехали, отдохнём, погуляем.

– Ты ошалел, что ли, Гришка? Как же так, «брось»? А кто же это всё переделает, пока я с тобой буду плясать да веселиться? Да и настроение у меня не то.

Плюнет тогда Григорий, сам оденется, начешется, сапоги хромовые начистит до блеска, так что отражение своё в них видит, вскочит на лошадь – и только его и видели.

Лиза же вся в работе, как взмыленная лошадь. Зимой – за швейной машинкой, вещей девочкам на лето нашивает; встанет из-за стола – спина печёт, в глазах темно, а надо ещё обед приготовить, да в доме прибрать. А летом вообще некогда передохнуть: с утра запрягает лошадь – огород пахать, или грядки полет, поливает, окучивает; скотину кормит, в стойлах прибирает. Нароботается, напашется – и уже ничему не рада. Упадёт вечером на постель, иногда даже не раздевшись, – сил не остаётся. И до утра, бывало, отдохнуть не успевала. А с утра опять всё по кругу.

Зато Гришка нагуляется, навеселится с молодыми девчатами – и тоже еле домой приползает уже к середине ночи.

Глава 4.

1.

Прошёл ещё один год. Наступил 1928-й. Лиза даже не подозревала, как изменится её жизнь в этот год. Казалось, все беды, которые только можно, с ней уже случились. Но все главные трудности ещё только были впереди.

А пока Лиза была счастлива. Она полностью растворилась в своих детях. Девочки подрастали и заполняли пустоту в сердце Лизы от пережитых потерь. Любовь к дочерям давала ей силы дальше жить и бороться.

Как-то раз Лиза возилась с утра на кухне. Пекла хлеб в печи, чтобы накормить дочек свежей сдобой, да с парным молоком – как раз надоила ведёрко. Лиза месила тесто, и не заметила, как дверь отворилась. Почувствовав на себе взгляд, она обернулась и отшатнулась – на пороге стоял Матвей.

- Чего тебе? – сказала Лиза.
- Гришка дома? – спросил Матвей.
- Зачем он тебе понадобился? – грубо спросила Лиза.
- Спрашиваю, значит, надо, – огрызнулся Матвей.
- Нет его. Уходи.

Лиза отвернулась, давая понять, что разговор окончен. Матвей не уходил. Он смотрел на Лизу, смотрел, как её сильные крепкие руки ловко управлялись с тестом. Лиза с усердием месила. Белоснежная рубашка прилипла к вспотевшей спине. Тонкие завитки волос облепили её виски и шею, а толстая коса была уложена вокруг головы венком. Лиза остановилась передохнуть, вытерла рукой лоб и потянулась за кружкой с водой. Тут она увидела, что Матвей всё ещё здесь.

- Чего ты ждёшь? – недовольно спросила она.
 - Лиза... – Матвей сделал движение в сторону Лизы, но она схватила скалку и размахнулась.
 - Не подходи! – зашипела она, как змея.
- Матвей остановился.
- Лиза, я же по-хорошему пришёл, по-доброму. Не отталкивай меня.
 - По-доброму?! – глаза Лизы гневно сверкнули. – Из-за тебя умерла моя единственная подруга, моя сестра. Моя душа кричит от боли до сих пор. А ведь она могла нарожать кучу детей, могла быть счастлива, если бы не ты. Ты её погубил. И теперь ты говоришь «по-доброму»? Я никогда не прощу тебе Ньюру. Слышишь? Никогда! Убирайся!
 - Зачем ты так со мной, Лиза? – Матвей сощурил глаза. – Со мной так не надо.
 - Уходи, Матвей, мне видеть тебя тошно. Как вижу тебя, так перед глазами встаёт лицо умирающей Ньюры. – Лиза сцепила зубы. – Ты приносишь нашей семье одни несчастья. Уходи, прошу тебя, и не возвращайся.

Матвей опустил взгляд. Он был подавлен. Он уже повернулся, чтобы уходить, но тут дверь из комнаты с шумом распахнулась, и в кухню вбежали одна за другой Рая, Шура и маленькая Верочка. Они, не замечая постороннего человека, облепили мать, громко крича наперебой. Увидев первые готовые лепешки хлеба, девочки схватили по одной и стали с аппетитом есть, громко чавкая с довольным видом. Лиза налила им по кружке молока.

Матвей, глядя на Лизу и её довольных девочек, вдруг почувствовал острое желание иметь такую семью, заботиться о ней. Но вместе с тем понимал, что ему в жизни не случилось такого счастья. Зато у других есть всё: любимая жена, полный дом детей, счастье и домашний уют.

Матвей сильно завидовал сейчас Григорию, как никогда ещё до того. Он сжал кулаки, проглотил ком, подступивший к горлу, и сказал Лизе:

– Значит, у вас всё в порядке, да? Ты любишь Гришку, он любит тебя. У вас чудесная семья. Что ж, я рад за вас. Прощай.

И вышел вон.

Днём, когда Григорий приехал на обед, Лиза ему сказала:

– Матвей приходил утром, тебя спрашивал.

– Чего хотел? – спросил Григорий, хлебная горячий свежесваренный борщ с хрустящим хлебом и свежей луковицей вприкуску. Борщ в тарелке ещё дымился, поэтому Григорий дул на ложку и громко отхлёбывал, с аппетитом откусывая сочную луковицу.

– Ничего не сказал. Просто тебя спросил. – Лиза присела к столу напротив мужа. – Гриша, скажи, ты продолжаешь с ним водиться?

– Да какой там водиться? Не придумывай. Мы уже два года с ним не разговариваем. Так, видимся иногда по работе, можем перекинуться парой слов, да ещё иногда в общей компании пересекаемся. Так что не волнуйся.

– Да нет, как раз именно поэтому я и волнуюсь, – задумалась Лиза. – Если вы уже давно с ним в контрах, то чего это он вдруг ни с того ни с сего появился?

– Да ладно тебе, не бери в голову. Мало ли что? Может по работе? Или ещё чего.

Григорий, наклонившись над тарелкой, хлебал борщ, громко чавкая и активно двигая челюстями. При этом с каждой ложкой его брови смешно подпрыгивали вверх, а усы двигались, как у кота. Лиза отвернулась и уставилась в окно. Возле двора была привязана Гришина лошадь, а к ней жался маленький жеребёнок, её дитя. Ему было всего несколько недель отроду, – кобыла привела его в конце зимы. И сейчас он учился осваивать территории вместе со своей матерью. Они везде были неразлучны. Мать заботилась о своём малыше, учила его всем сложностям самостоятельной взрослой жизни. Поэтому маленький лошак ни на шаг не отступал от матери.

Григорий доел, сыто потянулся, поцеловал жену и вышел во двор. Лиза наблюдала, как он вспрыгнул на кобылу и умчался прочь. Маленький жеребёнок шаг в шаг скакал возле матери, и его тонкая шелковистая грива развевалась на ветру.

2.

Прошла весна. Закончились посевные работы. Наступало жаркое лето. На полях и в огородах всходил первый урожай. Лиза работала с утра и до ночи. Земля у них была неплохая, и хорошо кормила Лизу и её семью.

Стоял жаркий июнь. Лиза, как всегда, возилась в огороде – полола грядки. Вдруг примчался Григорий, раньше, чем обычно. Лиза выпрямилась, прикрыла рукой глаза от яркого солнца.

– Ты чего такой взмыленный? Гляди, лошака загнал почти.

– Ничего, цел будет, – ответил Григорий, спрыгивая с кобылы. – Бросай дела, переоденься и поехали на реку. Сегодня Ивана Купала, гулянье шумное намечается. Нас ждут.

– Ну и пусть себе гуляют, – ответила Лиза. – А у меня работы по горло.

– Не заводись. Бросай всё, подождёт твоя работа. Отдохнём, разведемся.

– Это молодёжи делать нечего – ни забот, ни хлопот. Вот пусть они и веселятся. А мне некогда.

– Лиза! – Григорий терял терпение. – Последний раз предлагаю!

– Да отстань ты. Не хочу я. И ты не ходи. Слышишь? Кого ты там не видел? Ты уже взрослый мужик, у тебя детей трое. Чего тебе там делать? Раньше хоть с Матвеем ездил. А теперь с кем?

– А, ну тебя! – махнул рукой Григорий. – Отдохнуть съездить – и то не уговоришь! Оставайся. А я поехал.

И он вскочил на кобылу.

– Гришка, вернись! – крикнула ему вслед Лиза. – Не позорься. Останься дома.

– Отстань! – крикнул Григорий и повернул за угол в сторону реки.

– Вот кобель, – досадовала Лиза. – Не нагулялся ещё. Так и тянет его, куда бы из дому сбежать. Вот уж угораздило с таким связаться!

И Лиза снова уткнулась носом в грядки. И не разгибалась до темноты. Вечером покормила дочек и отправила их спать. Сама прилегла на постель, прикрыла на минуту глаза, и отключилась. Проснулась уже перед рассветом. Гришки дома не было.

«Ну, это уже ни в какие ворота не лезет, – подумала Лиза. – Скоро утро, а его до сих пор нет. Вот пусть только вернётся, задам ему жару».

Григорий не приехал и утром. Свекровь заволновалась.

– Что у вас произошло? – спросила она у Лизы. – Почему Гриша не ночевал дома? Вы поссорились?

– Да не ссорились мы, – ответила Лиза. – Он звал на реку на гулянье, я не хотела. Вот он и уехал один. А вот почему домой не вернулся? Не знаю. Наверное, сразу с гулянок на работу поехал?

– Да, наверное, – повторила свекровь, но беспокойство не прошло. Такого раньше не было. Гриша никогда так долго не задерживался. А даже если и гулял до полуночи, то всё равно возвращался домой, а уж потом ехал на работу.

У Лизы на душе тоже было беспокойно. Но в голову ей закрадывались совсем другие мысли. Она всегда знала, что её муж – редкий бабник. Но он любил Лизу и никогда не позволял себе лишнего. Все его интересы и гульки были безобидные. И Лиза знала: как бы Гришка ни загулял, он всегда на ночь возвращался домой. А в этот раз всё было по-другому. Он не то, что всю ночь прогулял, он вообще домой не явился. Лиза боялась, что здесь что-то посерьёзнее. Она с удивлением поймала себя на мысли, что, несмотря на то, что не любила его, сейчас ревновала.

«Да, ещё глядишь, и уведёт его какая-нибудь беззаботная молодуха, – думала Лиза, поливая днём огород. – А чего нет? Какая-нибудь восемнадцатилетняя девица. Я-то уж, поди, старая для него, почти тридцать. Поизносились уже, наверное. Не привлекаю его боле».

Лиза ощущала уколы ревности и обиду. Она всегда старалась быть хорошей женой и хозяйкой, на её плечах было всё – и семья их, и дом, и хозяйство, а он вот как отблагодарил.

«Хотя, наверное, и я в чём-то виновата? Ведь он всегда звал меня с собой, а я не хотела, – размышляла Лиза, готовя обед. Она надеялась, что Гриша хотя бы обедать придет домой. – Наверное, я утомила его своим ворчанием, вечно на него ругаюсь. Надо бы поласковее с ним, помягче хоть немного. А то, и правда, забежит куда-нибудь».

Лиза сильнее забеспокоилась, когда Гриша и на обед не приехал. А когда вечером она вместе со свекровью готовила ужин, в дом вбежали девочки и наперебой закричали:

– Мапочка, там папина лошадка пришла.

Лиза выбежала во двор, следом поспешила Дуня и охнула:

– Ой, Лиза, беда случилась. Ой, беда!

Она опустила на крыльцо и громко заплакала.

Лиза глянула за двор и побледнела: Гришина кобыла шла себе потихоньку домой, следом поспевал жеребёнок. Кобыла была без всадника. Лиза растерянно оглянулась. Свекровь рыдала и причитала на крыльце, девочки перепугано выглядывали из-за двери.

– Успокойтесь, мама, – пытаюсь сохранять спокойствие, сказала Лиза. – Я сейчас пойду к своим и всё узнаю. Витька должен был видеть его вчера. Да и Нюрка наша тоже, скорее

всего, была на реке. Что-то проведу. А вы пока накормите детей. И перестаньте причитать. Успокойтесь. Пока ещё ничего не случилось.

Лиза повернулась к двери.

– Девчата, ну-ка, бегом за стол, бабушка Дуня сейчас вас покормит. И сразу спать. А то папка вернётся, накажет.

И Лиза ушла к матери, чтобы хоть что-то узнать о муже. Она всё надеялась, что вот сейчас встретит его где-нибудь по дороге. Но где-то в глубине сердца поселился холодок: Лиза чувствовала, что случилось что-то непоправимое.

Дома у своих она спросила сестру Нюру:

– Нюрочка, ты же была вчера на реке? Там был мой Гришка?

– Была, – ответила ей Нюра, – но Гришку твоего не видала.

– Конечно, куда ей кого-то видеть? – отозвалась Любка. – Она глаз не отводила от своего ненаглядного.

– Замолчи, дура! – огрызнулась Нюра, вся покраснев. – Ты просто завидуешь. Тебе уже вон сколько лет, а жениха всё нет.

– А у тебя есть, да? Поматросит, да и бросит! – не унималась Любка.

– Ах ты, язва! – Нюра уже хотела наброситься на старшую сестру, но Лиза крикнула:

– Замолчите обе! Перестаньте! Люба, может, ты его видела вчера? Или сегодня?

– Что, потеряла своего муженька? Смотри, как бы кто не подобрал, – съязвила Любка в ответ.

– Ох, и язва же ты, в самом деле, – сказала Лиза. – Теперь понятно, почему тебя замуж никто брать не хочет.

Любка прикусила язык и надулась, а Нюрка довольно хихикнула.

– А тебе ещё не рано на женихов заглядывать? – спросила Лиза у Нюры.

– Не рано. Мне уже шестнадцать исполнилось.

– Ладно. Это твоё дело. Главное, голову не теряй. И честь береги. А где Витя? Он ведь тоже вчера на реке гулял?

– Да был Витька на реке. Только дома его сейчас редко застанешь, – отозвалась опять Любка, – он у нас тоже в любовь ударился.

– Замолчи, – перебила её Нюра. – Не тебя спрашивают.

Затем она повернулась к Лизе:

– Наш Витя совсем голову потерял. Влюбился без памяти. Там девчонка есть одна, на год меня старше, Ксюша. Так он по ней с ума сходит.

– Надо же, – сказала Лиза. – А я со своими делами все новости пропустила.

– Наверное, он на ней женится, – заключила Нюра.

– Ладно, мне всё равно надо его дожидаться, – сказала Лиза. – Давай, делись новостями.

– Не хочу говорить при ней, – Нюра покосилась на Любу. – Пошли на улицу, посидим. Там сейчас свежо, хорошо.

И она взяла Лизу под руку и увлекла вслед за собой во двор.

– Нюра, зачем ты так с Любой? – упрекнула её Лиза, когда они вышли за двор и сели на лавку под раскидистой грушей.

– Ой, она такая дура, – ответила Нюра. – Терпеть её не могу. К тому же страшная зануда.

– Нюра, перестань. Она всё-таки старше тебя.

– Ну и что, что старше? – не соглашалась Нюра. – А ума не нажила.

«Что правда, то правда», – подумала Лиза.

– Ладно, – сказала она, понимая, что спорить бесполезно, – давай, рассказывай, что там у тебя за жених?

У Нюры загорелись глаза.

– Слушай, он такой красивый, – начала она взхлёб. – Его зовут Андрей. Он из соседнего села. Он мне сразу понравился, как только я его увидела. И он тоже всё время на меня смотрел. А вчера на реке мы с ним вместе два раза через костёр прыгали. А потом он играл на гармонии. Лиза, как он играет на гармонии! – Нюра закрыла глаза и сложила руки на груди, как делает всегда мама. – Все девки заслушались.

– Всё ясно, – улыбнулась Лиза, – он – любимчик девушек, а ты в него влюбилась, как и все твои подружки.

– Ну и что? – Нюра сдвинула брови. – Это неважно. Он-то выбрал меня.

– Выбрал? ... – переспросила Лиза.

– Ну, выберет, – поправилась Нюра. – Знаешь, как он смотрел на меня? У меня от его взгляда вот здесь, в животе, такая волна гуляла. Знаешь, вот когда с горы быстро бежишь, а потом резко снова на гору, и опять с горы. Вот так вот было.

Лиза обняла сестру и с улыбкой вздохнула:

– Нюрка ты, наша Нюрка. Совсем уже выросла. А мы и не заметили. Скоро и тебя замуж будем отдавать. Жаль только, папа не дожил.

Сёстры обнялись и сидели, задумавшись. Уже смеркалось. Из-за поворота улицы показалась знакомая фигура – это Витя шагал домой. Лиза встала ему навстречу.

– Витя, родной, скажи, ты не встречал вчера моего Гришу на реке?

– Встречать – не встречал, а пару раз видел, – ответил Витя.

– Когда видел? С кем? – Лиза волновалась. Она боялась того, что могла сейчас услышать.

– Да засветло ещё, он был с компанией мужиков. Пили, орали. С ними ещё и Матвей был.

– Как Матвей?! – Лиза ожидала что угодно, только не это. – Как Матвей? Ведь они уже больше двух лет в контрах. А кто с ними был ещё?

– Если ты о барышнях, – догадался Витя, – то можешь успокоиться, с ними никого не было. Они были такие пьяные, что ни одна девушка не решилась бы с ними связаться.

– Ладно, спасибо тебе, Витя, – сказала Лиза. – Пойду домой. Может, вернулся уже? Бывайте.

И Лиза поспешила домой, озадаченная тем, что слышала. Хороших новостей дома тоже не было. Тогда Лиза повернула обратно. Она направлялась к Матвею. Два с половиной года она не появлялась в его доме, с тех самых пор, как огрела его сковородой по голове. И дальше бы не появлялась, но сейчас она искала своего мужа, и надеялась, что здесь хоть что-то о нём узнает. По счастью, Матвей был уже дома. Лиза вошла в дом.

– О, кто к нам пожаловал? – улыбнулся Матвей, сощурив при этом глаза. – Проходи, гостей будешь.

– Я не в гости пришла, – ответила Лиза. – Я ищу Григория. Где он?

– Ну, ты чудная, – засмеялся Матвей. – Почему же ты ищешь его здесь? Если ты помнишь, мы с ним уже давно не дружны.

– Так-то оно так. Но ты видел его вчера?

– Вчера? – повторил Матвей. Он задумался. – А где я был вчера? Ах, вчера я был на реке. Нет, твоего Григория я там не видел.

– Нет, значит? А я знаю, что видел. И не просто видел. Я знаю, что вы были вместе вчера. А ты говоришь, не видел?

– Ах да, вспомнил, – Матвей улыбнулся краем рта. – Мелькал твой Гриша в нашей компании с полчаса. Потом взял какую-то деваху и укатил с ней. Я всегда говорил, что он неверен тебе.

– Врёшь! – Лиза приблизилась вплотную к сидящему за столом Матвею. – Не было такого.

– А ты откуда знаешь, как было? Ты разве там была? Да и зачем мне врать? – Матвей развёл руками.

– Гляди, Матвей, – Лиза сжала кулаки. – Если только ты что-то удумал...

– То что тогда? Что ты тогда мне сделаешь? – Матвей явно насмехался сейчас.

Лиза глянула на Матвея, высоко подняв голову. Её ноздри трепетали от ненависти. От её взгляда даже Матвей на секунду внутренне сжался.

Что за женщина?! Лишь она заставляла его переживать такие разные, противоречивые чувства.

Лиза ушла ни с чем. Надежда разыскать Григория таяла с каждой минутой.

На следующий день ничего не изменилось. Григория так и не было. И никто его не видел. Мать вся извелась. Не знала, что и думать. Не находила себе места. Всё выглядывала за калитку на улицу – а вдруг повернёт сейчас из-за угла? Но всё напрасно.

Прошло ещё два дня.

Лиза, как обычно, была в огороде, когда прибежал Витя и мрачно сказал:

– Лиза, идём скорее. Там мужики... везут твоего Григория.

Лиза выбежала на улицу и побежала вслед за братом в сторону реки. Сердце бешено колотилось, предчувствуя беду. Последние надежды разбились, когда увидела издали повозку, а на ней что-то, накрытое покрывалом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.